
ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 10 (2123)

2 МАРТА 1968

ГОСУД

Зоя Павловна Пухова (справа) среди подруг в ткацком цехе.

В. МЕЛЕНТЬЕВ

Фото М. Савина.

Сначала мне не повезло. Ткачиха Ивановской фабрики имени Балашова Герой Социалистического Труда Зоя Павловна Пухова в четверг работала в единственную за месяц ночную смену. В пятницу с утра была занята в облисполкоме. Суббота и воскресенье — выходные дни.

Зоя Павловна пригласила нас домой в понедельник. Ее трехкомнатная квартира показалась не то что уютной — мебель обычная, современная,— а какой-то удивительно домашней. Так все было на месте и в то же время просторно, светло.

И сама Зоя Павловна, в ловком ситцевом платье, быстрая, четкая в каждом движении, жесте, слове, показалась давным-давно знакомой. Вероятно, потому, что здесь, в текстильном крае, очень много похожих на нее женщин — коротко стриженных (у станков нельзя быть с длинными волосами), с красивыми полными руками, с коротко подрезанными ногтями (у станков ногти задевают за нити). Таких встречаешь везде: в магазинах, домовых кухнях, в кино.

Только познакомились — раздался звонок. Зоя Павловна вскакивает и бежит в свой «кабинет», в переднюю. («Телефон так надоел домашним, что пришлось вынести его подальше».)

Звонили из юридического института, просили прочесть лекцию.

Не успела дойти до комнаты — позвонил директор крупного завода. Пухова посылала ему письмо, теперь директор сообщает, что меры приняты, но... Но какой же директор не попытается свалить на государственного человека кое-какие свои заботы! У Зои Павловны меняется лицо. Только что оно было смущенным и чуть растерянным, а сейчас строгое и даже, как мне показалось, несколько властное. Она быстро пишет что-то в тетрадь, коротко отвечает:

— Хорошо, придется ставить этот вопрос в Совете Министров.

Зоя Павловна — член Президиума Верховного Совета Союза ССР.

Пухова возвращается в комнату, по дороге успевая поправить какую-то мелочь на столике.

— У вас в семье, вероятно, матриархат?

— Какой там матриархат!— И безнадежно машет рукой.— Полный патриархат. Три четверти семьи — мужчины. А что это такое, известно только женщине.

Она смеется:

— Вообще-то у меня мужчины великолепные. И все-таки женские руки... Сами знаете... Хорошо, что два выходных дня. Все успеваешь сделать и по дому и в техникуме.

— Вы на каком курсе?

— Уже на четвертом хлопчатобумажного. Вечернего, разумеется.

И тут вспоминается, как ткачиха-комсомолка, жена и мать, ученица вечерней школы молодежи, выступая на рабочем собрании, одна из первых в стране предложила перейти на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Она говорила тогда смело и горячо, потому что вместе с подружками обсудила и продумала все и даже прикинула график работы по-новому.

Предложение вызвало горячие споры, но факт остается фактом.

Пришел из школы старший сын, Павлик. Принес «четыре» по английскому, «пять» по арифметике. Павлик — человек самостоятельный. У него вместе с братом, детсадовцем Николаем, отдельная комната, где много книг и большой, сделанный папой, настольный бильярд. В бильярд Павлуша играет с отцом, Валентином Александровичем Пуховым, столяром той же фабрики имени Балашова. Кроме того, они играют с отцом в шахматы. Домино и шашки не уважают: нет настоящего спортивного интереса...

И снова телефонный звонок. И опять какой-то очень важный разговор там, в передней.

Когда Зоя Павловна возвращается, я наконец задаю тот вопрос, из-за которого и пришел сюда: как работает член Президиума Верховного Совета СССР?

— Я получаю из Президиума все государственные документы, все проекты Указов, законов. Если в чем-то сомневаюсь — обсуждаю с подругами спорный вопрос, советуюсь в облисполкоме, в обкоме партии и только после этого решаю, отдать свой голос за то или иное решение или воздержаться.

У Зои Павловны в облисполкоме есть свой сейф, и каждый день он пополняется пакетами с сургучными печатями «Правительственное». Что в этих пакетах, как правило, не знает никто. Только Пухова. Она вскрывает эти пакеты, читает вложенные в них документы, принимает по ним свое решение.

Бывают еще и звонки из Президиума. Короткий, как на заседании, доклад о существе вопроса. Тут решение, как правило, принимается сразу, не отходя от телефона. Впрочем, в ряде случаев Зоя Павловна просит подождать: она подумает, посоветуется. И только после этого звонит в Москву и сообщает свое мнение. Без этого мнения ткачихи с фабрики имени рабочего-революционера Балашова ни один Указ не будет иметь юридической силы.

...Зоя Павловна собирается на фабрику. Уводит Павлика на кухню.

— Картофель и овощи очищены. Вот, в миске. Про мясо я папе сказала... Ты сходи за хлебом.

Павлик остается полноправным хозяином. Он знает: у мамы очень много дел.

Через несколько дней я снова увидел З. П. Пухову. Шел депутатский прием. О том, как ведутся такие приемы, писали много... В данном случае поучителен стиль работы ткачихи. Она ничего не откладывает. Рядом с ней телефоны и ее депутатский секретарь. Человек излагает свою беду, Зоя Павловна записывает суть просьбы в рабочую тетрадь. Если вопрос важен не только для этого человека, то еще и в заветную записную книжечку. И тут же звонит человеку, который может решить вопрос, волнующий посетителя... Двадцать, тридцать человек — и ни один не уйдет с ответом: «Зайдите в следующий раз».

После таких приемов она очень устает и уже не садится в трамвай или троллейбус. Идет пешком. Заходит в магазин. Ведь в семье патриархат...

Впрочем, Зоя Павловна не жалуется. Что может быть приятней для матери и жены, если мужская часть скажет:

— Ой, мамочка, до чего же вкусно!

АРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

ПОЛВЕКА ДОБЛЕСТНОГО СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ

Вся Советская страна и наши друзья за рубежом широко и торжественно отметили 50-летие доблестных Вооруженных Сил Советского Союза.

В Москве, в Кремлевском Дворце съездов, состоялось торжественное собрание, посвященное славному юбилею Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР.

В зале Дворца — советские воины, передовики производства, ученые. Присутствовали на торжественном собрании и зарубежные гости.

Торжественное собрание открыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета КПСС В. В. Гришин.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев под бурные аплодисменты зачитал приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР воинам героиче-

ПРАГА

Торжественно отметила Чехословацкая Социалистическая Республика 20-летие со дня исторической победы, одержанной трудящимися в феврале 1948 года. В те дни победоносно завершилась борьба рабочего класса, возглавляемого Коммунистической партией Чехословакии, за утверждение народной власти в стране.

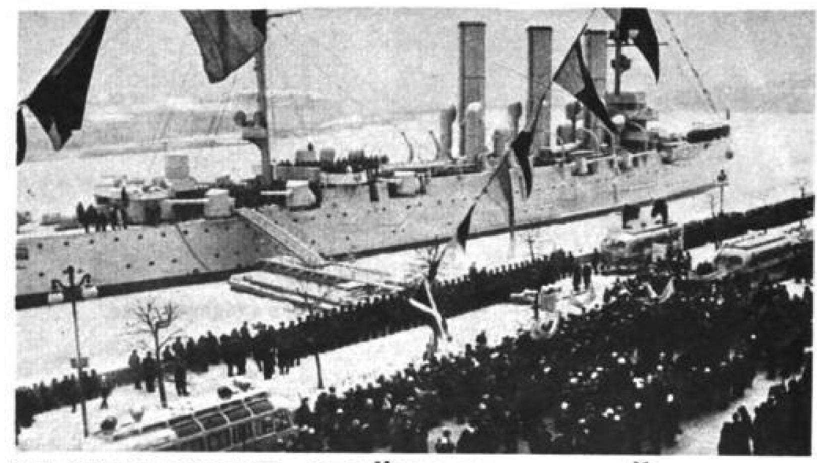
В Праге состоялось торжественное заседание Центрального Комитета КПЧ, ЦК Национального фронта и правительства ЧССР. В нем приняли участие делегации братских партий социалистических стран.

В праздновании 20-й годовщины Февральской победы участвовала делегация КПСС во главе с Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежневым.

С докладом, посвященным годовщине Февральской победы трудящихся, выступил Первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек. Л. И. Брежнев от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР поздравил братский чехословацкий народ с 20-летием исторической победы трудящихся над силами реакции.

Н а с н и м к е: Президиум торжественного заседания ЦК КПЧ, ЦК Национального фронта и правительства ЧССР, посвященного 20-й годовщине Февральской победы трудящихся Чехословакии.

Телефото ЧТК.

ЛЕГЕНДАРНОМУ КРЕЙСЕРУ — ВТОРОЙ ОРДЕН

Одногодки «Авроры» давно списаны с флотов. А этот трехтрубный крейсер стоит у гранитной набережной, будто не шестьдесят пять лет назад, а только вчера покинул верфь — свежевыкрашенный, чистый, юный.

На «Авроре» всегда много гостей — полмиллиона человек более чем из ста стран мира побывало тут в минувшем году. Сюда часто приходят письма, телеграммы от друзей легендарного крейсера.

— И все же такого внимания и такого шквала приветствий, как в этот февральский день, мы не ожидали, — говорит командир «Авроры» капитан III ранга Юрий Иванович Федоров. — В один миг зазвонили все телефоны, посыпались телеграммы — на правительственных и обычных бланках...

«От души поздравляю личный состав крейсера «Аврора» с 50-летием Советской Армии и Военно-Морского Флота. Сегодня, 22 февраля 1968 года, за выдающиеся заслуги военных моряков крейсера «Аврора» в Великой Октябрьской социалистической революции и защиту ее завоеваний, плодотворную работу по пропаганде революционных и боевых традиций Президиум Верховного Совета наградил легендарный крейсер орденом Октябрьской революции. Поздравляю экипаж Краснознаменного ордена Октябрьской революции крейсера

ских Вооруженных Сил Советского Союза в связи с 50-летием Советской Армии и Военно-Морского Флота.

С докладом «Пятьдесят лет на страже завоеваний Великого Октября» выступил Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

Советских воинов приветствовали сталевар завода «Серп и молот», депутат Верховного Совета СССР В. В. Клюев, первый секретарь Кировского райкома ВЛКСМ Ирина Конюхова. С большим вниманием была выслушана речь Маршала Польши Мариана Спыхальского, который выступил от имени присутствующих на собрании представителей дружеских социалистических стран, их коммунистических и рабочих партий и братских армий.

В заключение первый заместитель командующего войсками Московского военного округа генерал-полковник Е. Ф. Ивановский зачитал письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР от солдат, матросов, сержантов, старшин и офицеров Советской Армии и Военно-Морского Флота.

После торжественного собрания состоялся большой концерт.

24 февраля Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР устроили в Кремлевском Дворце съездов прием в честь пятидесятилетия Вооруженных Сил СССР.

На снимке: **президиум торжественного заседания, посвященного пятидесятилетию Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР. На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.**

Фото А. Гостева.

«Аврора» с высокой наградой, желаю вам, дорогие товарищи, больших успехов в боевой и политической подготовке, продолжения славных традиций крейсера революции». Это телеграмма Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного.

Не счесть всех друзей «Авроры». «Учителя и учащиеся Можайской средней школы, у стен которой стреляли по врагу пушки «Авроры», горячо поздравляют с высокой наградой...» — поздравление, напомнившее об участии авроровцев в Великой Отечественной войне. Тогда орудия главного калибра были сняты с корабля и установлены под Ленинградом, в районе Дудергофского озера. Артиллеристы-авроровцы день и ночь вели огонь по фашистам.

«Горжусь, поздравляю высокой наградой. Неволин». Это из Киева, от Александра Соломоновича Неволина, командира отряда авроровцев, которые штурмовали Зимний. В ворохе телеграмм, писем, открыток — приветствия от рыбаков Северокурильска, школьников Казахстана, от пионеров...

На борту дважды орденоносного крейсера состоялся митинг. Все матросы, офицеры и гости были в приподнятом, праздничном настроении. Но самым счастливым чувствовал себя старший матрос, секретарь комсомольского бюро крейсера москвич Валентин Грибов. В день награждения «Авроры» орденом Октябрьской революции его приняли кандидатом в члены КПСС.

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

На снимке: чествуют корабль революции.

Фото Н. Ананьева.

БУДАПЕШТ

26 февраля в Будапеште начала работу Консультативная встреча представителей коммунистических и рабочих партий. В ней принимает участие делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым.

Представителей партий, участвующих во встрече, приветствовал от имени Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар.

Телефото МТИ — ТАСС.

В зале заседаний съезда.

ОТ ИМЕНИ 86 МИЛЛИО

27 февраля. В Москве в Кремлевском Дворце съездов начал работать XIV съезд профессиональных союзов СССР. Это большое событие в жизни нашей страны. Посланцы восьмидесяти шести миллионов членов профсоюзов подводят итоги многогранной деятельности самой массовой организации трудящихся, намечают ее ближайшие перспективы.

Работа съезда, широкий круг обсуждаемых вопросов наглядно подтверждают замечательные завоевания, которых добились советские профсоюзы в условиях социалистического строя. Ни одна сторона социалистического строительства немыслима сейчас без активного участия профсоюзов.

«Профсоюзы — школа коммунизма» — эти ленинские слова написаны на каждой странице десятков миллионов профсоюзных билетов. Эти слова определяют суть деятельности советских профсоюзов.

В обстановке огромного подъема начал свою работу съезд. В зале передовые люди труда, руководители профсоюзных организаций, партийные, хозяйственные работники. Здесь многочисленные зарубежные гости.

С большим воодушевлением делегаты съезда встретили появление в президиуме руководителей партии и правительства.

Приветствие XIV съезду профсоюзов СССР зачитал член Политбюро ЦК КПСС секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

С отчетным докладом ВЦСПС выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель ВЦСПС А. Н. Шелепин.

Делегаты съезда (слева направо): крановщица из Павлограда Зинаида Тимофеевна Ворона; главный инженер треста «Иртышуголь» Иван Петрович Федотов; Герой Социалистического Труда, старший варщик целлюлозно-бумажного Окуловского комбината Иван Николаевич Малышев.

Делегаты XIV съезда профсоюзов СССР от Ростовской области. Председатель шахтерского комитета профсоюзов В. А. Малахов, бригадир проходческой бригады А. И. Лобунец, председатель Ростовского обкома профсоюзов работников угольной промышленности Г. А. Суховеев, бригадир рабочих очистительного забоя шахты Н. В. Шарков.

Слово к русским братьям

Тодор ЖИВКОВ,
Первый секретарь ЦК БКП,
Председатель Совета Министров
Народной Республики Болгарии

Выражаю свою благодарность редакционной коллегии журнала «Огонек», обратившейся ко мне с просьбой поделиться некоторыми своими мыслями и чувствами в связи с 90-летием со дня освобождения Болгарии от пятивекового ига. Я с удовольствием делаю это потому, что 3 марта — великая дата в истории болгаро-русского братства, и глубоко убежден, что выражаю мысли и чувства всего нашего народа.

Освобождение Болгарии от иноземного рабства — одно из крупнейших событий долгой и бурной истории нашего народа. Именно поэтому мы отмечаем день 3 марта как один из наших самых светлых праздников, как начало нового этапа в жизни нашей родины и как торжество болгаро-русской дружбы.

Пятивековое иноземное иго! В мире немного таких государств и народов, чье историческое развитие прошло через такое тяжкое испытание. Болгария — одно из ведущих современных государств Европы — в конце XIV века потеряла свою национальную независимость. И в то время как для других европейских государств последующие столетия стали столетиями подъема и расцвета, Болгария оказалась насильно выхваченной из общего потока человеческого прогресса. Ее естественное общественное и культурное развитие было прервано. Болгарский народ был вынужден вести неравную борьбу за свои элементарные права на жизнь. Пятивековое рабство оказалось не только страшной исторической трагедией для болгарского народа, но и жестокой исторической проверкой его самосознания, его зрелости, его права существования как народа. Наш народ выдержал эту проверку и сохранил свой национальный характер и самобытность, свой язык и письменность, свои нравы и обычаи. Его национальная и революционная борьба не заглохла, она разгоралась все сильнее и сильнее, становилась организованней, чтобы найти свое высшее выражение в эпопее апрельского восстания 1876 года, которое потрясло Европу, и братский русский народ пришел на помощь Болгарии.

Во время рабства наш народ черпал свою веру и уповал на братскую славянскую Россию. Кровь, пролитая на полях боев русскими богатырями и болгарскими ополченцами, свобода, завоеванная ценою трагических жертв, навеки скрепили болгаро-русское братство.

Болгарская и русская литература и искусство тех времен сохранили для грядущих поколений красноречивые сцены встреч, которые оказывал наш народ своим братьям-освободителям. А памятники, воздвигнутые болгарским признательным народом над могилами погибших за нашу свободу сыновей русского народа, над могилами павших в боях болгарских и румынских солдат, стали неотделимой частью пейзажа и души Болгарии.

3 марта 1878 года открыло перед Болгарией дорогу к свободной жизни и расцвету. После освобождения феодальный строй начинает распадаться под неумолимым натиском зарождающегося капитализма. Молодая болгарская буржуазия торопилась занять позиции иноземных поработителей и ковала новые цепи для народа. И началась новая борьба. В августе 1891 года Димитр Благоев и его соратники основали партию болгарских коммунистов, которая стала боевым штабом полувековых классовых сражений, закончившихся победой 9 сентября 1944 года.

Вторично завоевав свою национальную независимость с решающей помощью Советского Союза, болгарский народ ликвидировал капиталистический гнет и эксплуатацию и уверенно двинулся по пути социализма. Два героических больших события за последние 100 лет в жизни болгарского народа оказались неразрывно связанными с товариществом и подвигами сыновей России, сыновей Советского Союза. Черта, проведенная между делом дедов — 3 марта 1878 года и делом внуков — 9 сентября 1944 года, предопределила начертанный путь Болгарии в современном мире, путь братской дружбы и сотрудничества между Народной Республикой Болгарией и Советским Союзом, между Болгарской коммунистической партией и Коммунистической партией Советского Союза, между болгарским и советским народами.

Прошло 90 лет со дня освобождения Болгарии. Всего 90 лет свободной национальной жизни после 500-летнего рабства. И всего 23 года после победы социалистической революции в нашей стране. Совсем невелики эти сроки в сравнении с 13-вековой историей Болгарии. Еще не ушло из жизни поколение, рожденное в рабстве, еще не сняли своих черных платков матери погибших в сражениях с фашизмом и капитализмом. Но эти очень небольшие сроки оказались достаточными, чтобы увидеть великую ценность национальной свободы и раскрыть исторические преимущества, которые социалистический строй и братская дружба и сотрудничество с Советским Союзом раскрывают перед одной страной и ее народом.

В день 90-летия со дня освобождения Болгарии от иноземного ига разрешите мне, дорогие советские товарищи, сердечные друзья и мирные братья, передать вам через журнал «Огонек» чувства глубочайшей признательности и любви, которыми переполнено сердце Болгарии. Мы, болгары, гордимся нашим родством с вами, нашим братством, нашим единомыслием и единством общественного нашего коммунистического идеала и наших судеб. Болгаро-советское братство — наше великое историческое завоевание, и оно пребудет в веках.

София,
февраль 1968 г.

НОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

В отряде деревенской самообороны в Хау Лок — одни женщины.

СТАЛЬНЫЕ НЕЖНЫЕ СЕРДЦА

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Идет по Ханою солдат. На нем, как положено, обмундирование защитного цвета, на ногах — кеды, а из-под стального шлема по спине спускается длинная коса.

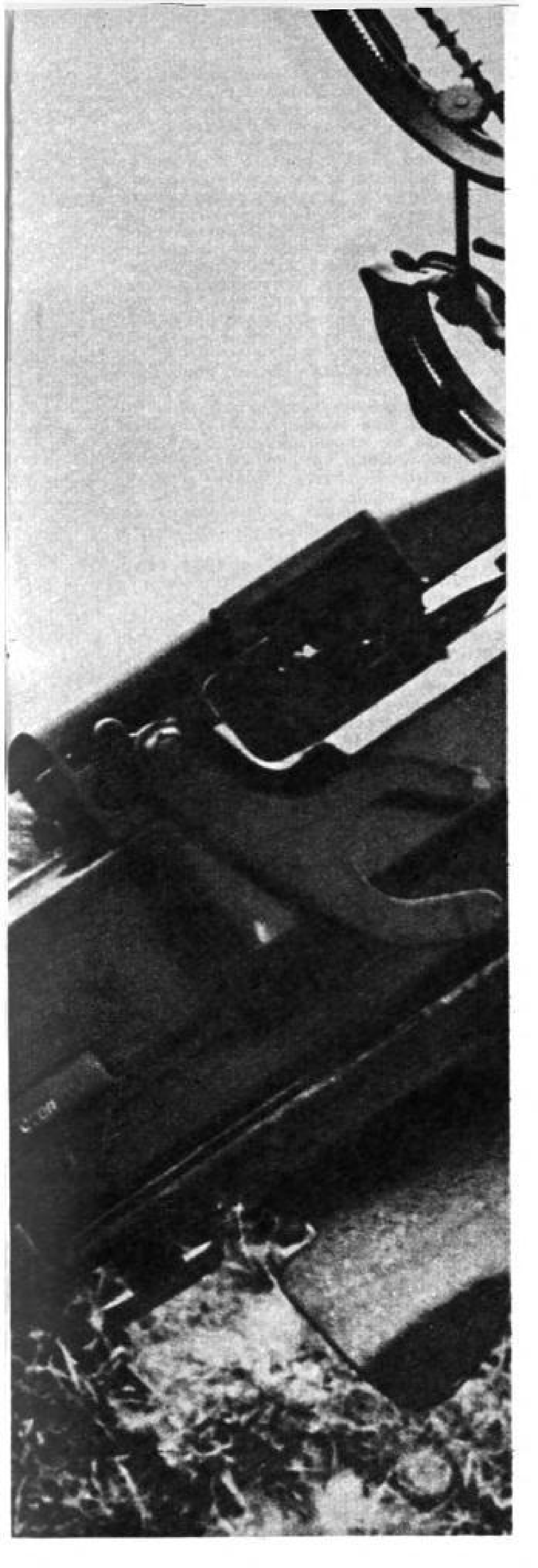
Стоит у станка рабочий. Рукава засучены по локоть, руки измазаны маслом, на голове — кудряшки.

Едет по хайфонскому причалу трактор. Тянет два прицепа с грузом. В кабине сидит водитель в широкой соломенной шляпе с бантиками. Тонкие девичьи пальцы крепко держат баранку.

Это картинки с натуры. Сколько подобных им видел я во Вьетнаме! А вот еще одна, взятая из американского журнала.

Недавно журналист Дэвид Шёнберн побывал в Демократической Республике Вьетнам и потом рассказал о своей поездке в журнале «Сэтердей ивнинг пост». Есть там такие строки: «Мы обедали в отеле, но дважды нам приходилось выскакивать из-за стола и бежать в бомбоубежище, когда раздавался сигнал воздушной тревоги. Наша официантка была милой девушкой с ямочками на щеках, на вид не старше семнадцати лет. Как только начинала звучать сирена, она ставила поднос и бросалась в кухню, на ходу снимая фартук. Когда мы выходили из обеденного зала в сад, то встречали ее, выбегающую из задних дверей кухни в стальном шлеме и с винтовкой одного с ней роста».

Суровы фронтовые будни демократического Вьетнама. Война возложила нелегкие заботы на весь народ, поставила его перед тяжелыми

Труд во имя победы.

Учительница в сельской школе.

Ханой. Сюда только что попала американская ракета. Девушки из народной милиции принесли воду для пожарных, разбирающих развалины.

Девичьими тайнами можно обменяться даже во время тревоги, сидя у бомбоубежища.

испытаниями. Вместе со всем народом эту тяжесть несут вьетнамские женщины.

В женский праздник надо бы сказать миллионам героинь Вьетнама о том, как красивы они, как нежны их сердца, как прекрасны их песни, которые женщины поют в спокойную минуту у зенитных пулеметов, стоящих на боевых позициях, или во время короткого отдыха на рисовом поле. Но пусть лучше, как в военной сводке, будут названы цифры, рассказывающие о роли женщин в сегодняшней жизни страны. Вот они: 80 процентов работающих сейчас в сельском хозяйстве ДРВ — женщины; женщины составляют 48 процентов рабочих в легкой промышленности и 23 процента — в тяжелой; 45 процентов всех кустарей — тоже женщины; женщины — это 38 процентов административного аппарата и 40 процентов работников просвещения. Ко всему этому надо добавить, что вьетнамские девушки входят в отряды самообороны, вместе с парнями трудятся на восстановлении дорог и мостов, разрушенных американскими бомбардировками, несут дежурства на путях сообщения. Многие женщины заменили на полях и в цехах своих мужей и братьев, ушедших в армию.

В одной старой вьетнамской народной песне поется:

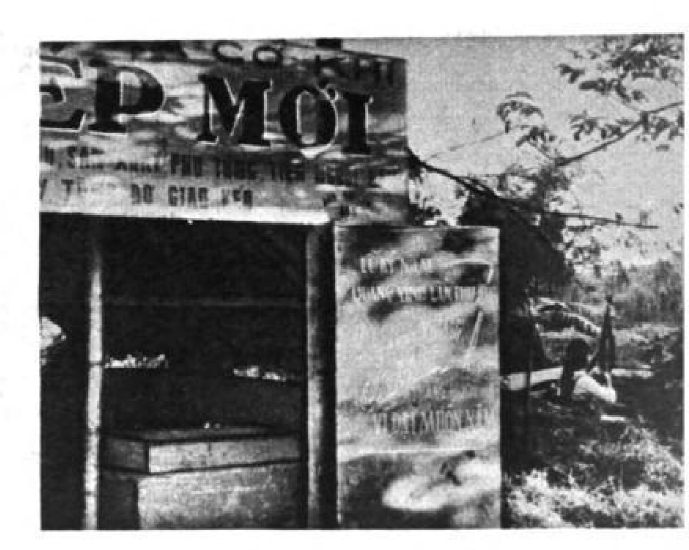
Женщина — что капелька дождя.
Никто не знает, куда она попадет —
во дворец или в грязь рисового поля.

И еще совсем недавно эти слова были правдой: у вьетнамской женщины не было никаких прав. Народная власть изменила женскую долю. В войне против американских агрессоров вьетнамские женщины защищают свою страну и свое счастье. Их нежные сердца сделались стальными, не перестав быть нежными: они умеют ненавидеть врага и любить свою землю.

Девятнадцатилетняя Нгуен Тхи Туе работает в Хайфонском порту.

Цехи артели «Новая сталь» в Намдине размещены в бетонированных траншеях. Рядом — окопы, из которых рабочие ведут огонь по самолетам врага во время воздушной тревоги.

Ольга Осиповна Островская

БЕССМЕННЫЙ ЧАСОВОЙ

Семен ТРЕГУБ

На первом экземпляре первой части «Как закалялась сталь», которую Николай Островский преподнес матери, он надписал: «Ольге Осиповне Островской, моей матери, бессменной ударнице и верному моему часовому».

Бывая у Островского, в Москве и в Сочи, я не раз, конечно, наблюдал его мать. Запомнился ее живой говор, сохранивший певучесть родной украинской речи, да и сама ее речь, пересыпанная меткими и сочными украинскими словами, поговорками. Была она общительной, веселой, гостеприимной. И превращалась вся в слух, когда заговаривал ее сын, которому она была всей душой предана.

Видел ее затем в дни похорон Островского, часто встречался с нею после его смерти. Мы переписывались.

...Марией Яковлевной звали любимую учительницу Островского в Шепетовке. Ее имя он и дал матери Павла Корчагина. Уже на второй странице романа Павка, выгнанный из школы за то, что насыпал махру в пасхальное тесто попа, тревожится о том, как ему явиться домой и что сказать матери, «такой заботливой, работающей с утра до поздней ночи кухаркой у акцизного инспектора».

Ей, матери Павла, уделено затем немного места в романе. Но она, что примечательно, появляется в весьма важные периоды жизни ее сына.

Мать приводит, например, двенадцатилетнего Павку наниматься на работу в станционный буфет.

Она ухаживает за сыном после того как он, переболев тифом, перевалил четвертый раз смертный рубеж и возвращается к жизни. И она, скрывая слезы, провожает его затем из Шепетовки в Киев.

Когда Корчагина разбил паралич, Мария Яковлевна, бросив все, приехала к нему в Сочи.

А в самом конце романа она с тревогой наблюдает мучительный процесс творчества, которым поглощен Корчагин, и она, именно она относит его законченную наконец-то рукопись на почту, отправляет ее в Ленинград, в издательство.

Мать Островского ни в чем не уступала матери Корчагина. Последние десять лет она безотлучно была при сыне: ухаживала за ним, вела хозяйство, выполняла разные его поручения.

«За меня пишет моя мама»,— находим мы в его письме от 2 февраля 1929 года, в том самом, где он в связи с приобретением радио шутил, что «стал богат, как плешивая собака Рокфеллер».

В 1931 году Островский, живя в Москве, в Мертвом переулке, писал первую часть «Как закалялась сталь». Часто приходилось работать ночью, когда все спали. Тогда мать клала ему с вечера под руку транспарант с вложенными в него пронумерованными листами бумаги, а по утрам подбирала и складывала эти, сброшенные им на пол исписанные листы.

А когда летом 1932 года он отправился в Сочи, в санаторий «Красная Москва», мать сопровождала его. Она продолжала нести свою трудную и почетную материнскую вахту, когда Островский находился в санатории (ей разрешили ухаживать за сыном), и позже, когда он покинул его.

Жили они тогда еще в нужде, и она стирала белье отдыхающим, чтобы лучше кормить сына.

Мать Островского делала все возможное и, более того, невозможное, чтобы Островский мог работать. Это в особенности относится к 1932—1933 годам, когда он, находясь с матерью в Сочи, писал вторую часть «Как закалялась сталь».

— Заботы матери не раз спасали меня,— говорил Островский.

И он, со своей стороны, неизменно заботился о ней. О том достаточно убедительно свидетельствуют его письма. В них не раз повторяется: «Моя старушка серьезно больна сердцем», «Мать едва двигается, сердце одолело», «...делаю все, чтобы направить ее в санаторий».

Была она маленькой, сухонькой, подвижной, с пронизывающими черными глазами и со смуглым лицом, густо оплетенным морщинами. Долгий и тяжелый труд рано подорвал ее здоровье.

Впервые ей удалось немного отдохнуть лишь в 1935 году. О том позаботился, конечно, Островский. «Мамочка уже с 20-го в санатории «Политкаторжан», отдыхает,— отдельная комнатка».

В таком сыновнем отношении к матери нет, разумеется, ничего необычного. Но вот новые примечательные строки, характеризующие Островского. В 1929 году он с гордостью пишет: «...мама уже стала делегаткой женотдела партхома...» В 1930-м: «Наша мама должна быть коммунисткой».

Тогда же Островский обращается с письмом к своему харьковскому другу Р. Б. Ляховичу, с которым делится пережитым. Оно начинается словами: «Хотя сил нет, но берусь за карандаш». Островский перенес тяжелую операцию и чувствовал себя крайне плохо. «Восемь жутких месяцев»,— назвал он время, проведенное до того в клинике. И в том же письме, которое Островский писал самостоятельно, от руки, целый день, мечтая об отъезде в Сочи, о покое и крайне необходимом родном окружении, читаем: «Что значит родное?» Он выделяет слово «родное» и среди нескольких наиболее близких ему людей называет прежде всего мать. «Это значит — мать...»

1 октября 1935 года Островского наградили орденом Ленина, и 23 октября он с помощью радио выступает на собрании сочинского партийного актива. В этой его речи имеется место, связанное с матерью. Я имею в виду его ответ на вопрос, как он стал писателем. Вначале Островский сказал, что не знает. Но тут же рассказал любопытный эпизод из своего детства.

Мальчику было двенадцать лет. Он работал на кухне станционного буфета и как-то принес домой книгу, в которой был выведен самодур-граф, издевавшийся над лакеем.

«Читаю я про все эти штучки своей старушке матери, и стало мне невмоготу,— говорил он.— И вот, когда граф ударил лакея по носу так, что тот уронил на пол поднос,— вместо того, чтобы лакею униженно улыбнуться и уйти, как было у автора, я, полный бешенства, начал крыть по-своему».

В чем состояло это «по-своему»? А вот в чем:

«Тогда лакей обернулся до того графа да как двинет его по сопатке! И то не раз, а два, так что у графа аж в очах засветило...»

Мать, естественно, усомнилась в истинности того, что читает ее сын. «Погодь, погоды — остановила она его.— Да где же это видано, чтобы графьев по морде били?!»

Мальчик вскипел: «Так ему и надо, подлюге проклятому! Пущай не бьет рабочего человека!»

Это, разумеется, тоже не убедило мать. «Да где ж это видано? — повторила она.— Не поверю. Дай сюда книжку! Нет там этого!»

И тогда юный Островский швырнул книжку на пол и закричал: «А если и нет, то зря! Я б ему, негодяю, все ребра переломал бы!»

Рассказав этот примечательный эпизод, Островский улыбнулся и шутя заключил:

— Может быть, это и было началом моей писательской карьеры.

Островский рано отбился от материнских рук и стал самостоятельным. В те годы люди быстро взрослели. Но куда бы ни бросала его жизнь, он помнил о матери и всегда считал себя в неоплатном перед ней долгу. Он говорил, уже обобщая: «Есть прекраснейшее существо, у которого мы всегда в долгу — это мать».

Островский многим был обязан своей матери и рад был малейшей возможности сделать ей что-нибудь приятное.

Обозревая его письма последнего, 1936 года, мы находим несколько, целиком адресованных матери. Он жил тогда в Москве, а она в Сочи.

«Милая, голубка, матушка!», «Крепко обнимаю тебя, моя славная труженица».

Слово «труженица» в устах Островского звучало и предельно нежно и предельно уважительно, похвально.

Он в этих письмах тревожится о ее здоровье: «Я прошу тебя, моя родная, очень прошу и даже требую, чтобы ты не несла никакой тяжелой работы. Повторяю — никакой тяжелой работы. Я знаю, что ты никогда нас не слушаешь в этих делах, ты всегда делаешь по-своему, т. е. продолжаешь с утра до вечера изнурительную, неблагодарную домашнюю работу. Теперь, когда твое здоровье окончательно разрушилось,— так продолжать нельзя».

И, что хочется подчеркнуть, матери адресовано последнее письмо Островского, продиктованное им 14 декабря 1936 года, за восемь дней до смерти. Островский сообщал ей об окончании работы над первой частью романа «Рожденные бурей», о предательстве Андре Жида, о том, как он готовится провести предстоящий месяц отдыха.

И тут же весьма важное признание: «Работать буду немного, если, конечно, утерплю. Характер-то ведь у нас с тобой, мама, одинаков».

Общность характеров! Это сказано не красного словца ради. Есть родственная близость и близость духовная, схожесть внешняя и схожесть внутренняя. Между сыном и матерью была близость и схожесть духовная, внутренняя. Это чувствовал каждый, кто их наблюдал.

...Мать ждала сына в новом сочинском доме. Мрачные предчувствия одолевали ее перед его последним отъездом в Москву. Он же старался успокоить ее:

— Что ты грустишь, родная? Ты ведь знаешь, что мне нужно ехать. Я закончу в Москве свою книгу, сдам ее в печать. Время пройдет незаметно, и я ранней весной вернусь. Мы будем вместе отдыхать здесь, греться на солнышке, будем много читать и слушать нашего милого соловья; он так хорошо поет в саду каждое утро. Наклонись и поцелуй меня в знак согласия.

Она промолчала, и он угадал ее мысли.

— Мы же не дети и должны понимать... все может случиться. Но это еще не скоро. Будь бодра, как раньше... Ведь так много хорошего впереди. Я буду часто писать тебе...

Он просил мать не волноваться, отдохнуть. Она поцеловала его и нехотя ушла.

Было это 21 октября 1936 года, а 22-го Островский отправился в «северную экспедицию».

14 декабря он послал матери последнее письмо. За два дня до этого (письмо не успело еще дойти) он не выдержал и позвонил по телефону:

— Это ты, мама? Здравствуй, милая мамуся, родная, как твое здоровье? ...Не скучаешь?.. Пиши чаще... Как я рад, что слышу твой голос, милая моя...

Последнее письмо и последний разговор.

Теперь она прилетела на его похороны.

Никто не видел в те дни ее слез. Горе еще сильнее иссушило ее, но не одолело. Она стояла у гроба в кружевном черном шарфе, строгая и гордая.

Год с лишним назад, когда ее сыну вручали орден Ленина, ее упросили выступить на торжественном пленуме сочинских организаций: горкома партии, горисполкома, горкома комсомола. Впервые в жизни выступала она тогда на людях.

— Милые друзья! — сказала она, преодолевая свое волнение.— Много я вам не буду говорить. Каждый отец и каждая мать поймут мое состояние. Я счастлива, что он еще живет и радует людей и меня.

Сейчас, прощаясь навсегда с сыном и наблюдая нескончаемое траурное шествие, она понимала, что отцы и матери, и не только отцы и матери, но и те, кого по праву можно было назвать духовными братьями и сестрами Островского — Корчагина, всей душой разделяли ее нынешнее состояние. Ее боль была их болью. Горячее соболезнование выразила ей и сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова.

От этого становилось легче.

В материнском сердце родились строки:

Будь спокоен, мой сыночек,—
Я всегда с тобой.
Я твой вечный, неразлучный,
Верный часовой.

В феврале 1939 года исполнилось семьдесят лет Надежде Константиновне Крупской. Мать Островского направила ей сердечное поздравление. Она благодарила ее за участие в создании Московского музея Н. Островского и послала в дар картину, на которой был изображен ее сын.

«На мою долю, долю матери,— писала она,— в течение долгих лет воспитывавшей своих детей в борьбе с жестокой нуждой,— выпала почетная старость. И самое большое счастье в том, что этого добился, эту светлую старость подарил мне мой замечательный сын. Он победил свою жестокую немощь, написал книгу, которая помогает людям жить и учит их по-большевистски бороться и побеждать трудности».

Еще до войны у нее завязались связи с воинскими частями, она не только переписывалась с бойцами, но и вместе с сотрудниками Сочинского музея Н. Островского выступала перед ними. В годы Великой Отечественной войны эти связи окрепли, расширились.

...У меня хранятся два письма, датированные августом 1943 года и связанные между собой. Одно из них принадлежит матери Островского, а другое — А. П. Лазаревой (бывшему секретарю Н. Островского).

Я находился тогда на фронте — работал в армейской газете «Боевое знамя». Наша армия двигалась на Орел. Нужно было воодушевить бойцов. Мы решили посвятить га-

Н. Крапивин (Московская область). КЛИНСКИЕ ДЕВЧАТА.

М. Абдуллаев (Баку). СБОР ЧАЯ В АСТАРЕ.

А. Мазитов (Ярославль). ВОЛЖАНКА.

зетную страницу корчагинцам наших дней — героям боев. Написали о том в Сочи, матери Островского. Она быстро откликнулась обращением к бойцам. Его напечатали рядом с рассказами о подвигах духовных братьев Корчагина. Эту газету послали Ольге Осиповне.

И вот уже после освобождения Орла полевая почта доставила два письма.

Ольга Осиповна писала:

«Я сегодня получила Ваше письмо и две газеты. Вы не можете себе представить, как я была им рада. Мечта Коли сбылась. Мне уже семьдесят лет, но я стараюсь быть хоть чем-нибудь полезной... Какой Вы счастливый, что находитесь на фронте... Мы с Александрой Петровной (Лазаревой.— С. Т.) и Катей (сестрой Островского — Екатериной Алексеевной.— С. Т.) часто посещаем наших дорогих защитников, наших друзей, посещаем лазареты. Если бы Вы видели, с какой радостью и вниманием слушают бойцы об Островском. Если бы это знал Коля! Это было бы для него выше всяких наград. И меня встречают любовно, хотя, в сущности, я ничего особенного не сделала.

На одном собрании молодые матери меня попросили, чтобы я научила их воспитывать детей, чтобы их дети были полноценными людьми.

Я им на это ответила: «Если хотите, чтобы Ваши дети были хорошими, то Вы реже смотритесь в зеркало, а чаще смотрите, где сын ходит и что он делает. Тогда будет все в порядке».

Вы не представляете себе, как меня провожали, какие были аплодисменты. Мне просто стало не по себе.

Когда я возвращалась домой, меня нагнал один гражданин, поздоровался и сказал: «Позвольте Вам пожать руку». Я улыбнулась и спросила: «Вы тоже часто смотритесь в зеркало?» Он тяжело вздохнул и махнул рукой: «Ох, не говорите!»

Много бывает встреч и с бойцами. Мы хоть и живем не на фронте, но живем фронтом... Я хочу умереть лишь тогда, когда буду уверена, что нет Гитлера...»

Приведу и отрывок из второго письма. Он дополняет образ матери Островского.

«...Ольга Осиповна не так изменилась внешне, хотя тоже похудела. К печени своей О. О. относится, как к Гитлеру. Так она ее мучит. Она очень худенькая, хрупкая, но деятельная и бодрая, как всегда. Она у нас внештатный сотрудник музея... Она чудесно рассказывает. Я слышала ее уже раз 200 и готова слушать еще столько же. Записала я ее выступления, сохранив стиль ее речи, характерные словечки и выражения. О. О. так понравилось, что она попросила прочесть два раза и все удивлялась: оказывается, интересно слушать то, что она говорит. «А мне казалось, что все это такие нестоящие пустяки!..»

Островскому больно было думать, что он физически не сможет занять своего боевого места в грядущей схватке с фашизмом. Но сейчас он вместе с Корчагиным отважно сражался с врагом на фронте и в тылу. Иные литературные звезды поблекли, а его — сияла с новой, невиданной силой. Мать Островского помогала тому.

Она рассылала книги Островского. Обращалась к бойцам с вдохновляющими письмами. Посещала госпитали.

— Когда она входила в палаты тяжелораненых,— вспоминала А. П. Лазарева,— у них светлели лица...

Она рассказывала о своем сыне, и им передавалось его мужество.

Она жила не на фронте, но действительно жила фронтом!

Некогда Островский называл письма, получаемые им со всех концов страны, самым дорогим своим сокровищем. Теперь таким сокровищем стали бумажные треугольники с номерами полевых почт, ежедневно доставляемые его матери.

...Мать Островского дожила до того счастливого дня, когда знамя нашей Победы было водружено над поверженным Берлином, и она уверилась в том, что Гитлеру капут, что нет уже фашистского злодея. Она скончалась в 1947 году, семидесяти двух лет от роду.

Но в благодарной людской памяти никогда не умрет человек, которого Николай Островский любовно назвал бессменной ударницей и верным своим часовым.

Лирика

Галина ДЕМЫКИНА

Чудо

Знаешь ли ты, что такое чудо?
Оно приходит само, ниоткуда.
Я еще сплю, а оно в пути,
У почтальона, в сумке кожаной.
Чудо не спросит: можно войти?
Оно ведь чудо, значит, можно.
Бродит оно по лесной тропе
Красавцем лосем, рыжей лисицей,
И вдруг в тебе начинает петь —
Стучится! Стучится!
Устанешь — подхватит рюкзак на ходу,
В стужу даст валенки, спросит: в пору ли?
Заболеешь — притащит тебе еду
Руками соседки, с которой ссорились...
Оно к тебе — от кого не ждешь,
Оно, когда не думаешь даже.

Порой мне кажется — вдруг ты придешь
И ничего в оправданье не скажешь...

●

Ольга КОМАРОВА

Город плесков

Россия освежилась фресками.
В сожженном вызрело зерно.
Как в старину, ласкает плесками
Меня славянский город Псков.

Здесь Кром задумался о будущем,
И купол-колокол звенит.
Река Великая не в рубище —
В пряденом золоте зари.

День — как огонь по павшим воинам.
И, как священные слова,
Молчанья сердца удостоены
И Завеличье и Псковá.

За Псковским — Теплое да Чудское...
Сквозь изморозь ручьи — вода.
Шлет журавлей с могилы Пушкина
России северной звезда.

●

Светлана КЕДРИНА

Воспоминание

Я мужество войной не проверяла,
В сырой землянке не жила,
Лишь помню — лебеду я собирала,
Чтоб бабка суп сварить могла.

Да очередь за черным хлебом,
Да тусклую коптилку на окне,
Отца в ушанке, в полушубке белом—
Вот все, что помню о войне.

Но почему мне часто снится
Один и тот же страшный сон:
Как будто надо мной кружится
Фашистский самолет с крестом?

Евдокия ЛОСЬ

Где вы, кони?

Кони, кони,
Где вы, кони?
Гривы золотистые
Бьются по ветру в погоне,
Длинные, форсистые!

Пусть гуляли б дончаками,
Пусть бы табунились,
Пусть бы ржали стригунками,
А не только снились!

По лугам,
По мокрым краскам,
По траве некошеной
Пролетите звонкой сказкой,
Выдумкой хорошею!

Чтоб ловить вас
В спелом жите,
Чтоб вы не давались!..
Кони, кони, расскажите,
Где ж вы подевались?

Перевела с белорусского
С. Кузнецова.

●

Екатерина ЧАПКА

Куплеты

А я люблю куплеты
веселые, простые,
те, что не канут в Лету,
что на ветру простыли.
И птицами вдруг стали
и прилетают часто,
как в прошлом, на тачанках
в гражданскую летали...

Я, может, не про это,
так вы меня простите:
ведь я люблю куплеты
веселые, простые...
Живем себе не тужим,
во всем мы новоселы.
И, юбки отутюжив,
идем к друзьям веселым...

А мой сосед — калека.
Так вы его спросите,
как любит он куплеты
веселые, простые.
Когда ему вдруг лихо,
поет их под гитару
и вспоминает тихо
друзей военных, старых,
что пали на рассвете
в бою за этот город.
Я слушаю куплеты,
комок крадется к горлу...

ВЕЧНЫЙ КАРАУЛ.

90-ЛЕТИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ БОЛГАРИИ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА

•

Слава героев не увядает в веках

ПОД

ШИПКА

Ветер дует на Шипке, всегда веет ветер. Если повернуть лицо на юг, к Казанлыкской долине, где глубоко внизу тают в прозрачном мареве далекие селения, то отчетливо можно представить, как здесь разворачивался в августовские дни 1877 года корпус Сулеймана-паши, готовясь к броску на Шипкинский перевал, где стояли насмерть три батальона Орловского пехотного полка и пять болгарских добровольческих дружин. 7 августа командующий шипкинской группой войск Столетов сообщил генералу Радецкому: «Доношу безошибочно, что весь корпус Сулеймана, видимый нами как на ладони, в 8 верстах от Шипки. Силы неприятеля громадны; говорю это без преувеличения; будем защищаться до

Д я д

ГЕОРГИЙ № 803075

В какую сторону ни посмотри — горы. Их синеватые округлые вершины укутались в полуденную дымку и, прячась друг за друга, убегают вдаль, докуда только достает взгляд. Тут тоже вершина, но обжитая, увенчанная высоким четырехгранником башни. Люди положили к подножию башни цветы и теперь смотрят на горы. Высокий старик оперся на палку, и пальцы его рук, сухие и подвижные, поглаживают отполированное дерево.

В синих глазах напряженно бьется живым существом память. Ветер треплет его совершенно седую бороду, и от этого кажется, что старик трясет головой, будто пытается отогнать какую-то назойливую мысль. Потом вдруг резко поворачивается к спутникам и говорит, как бы продолжая прерванный разговор:

— А вернулся все-таки! Хоть на одиннадцатом десятке! Трудно вспоминать теперь — столько лет прошло! Однако где-то в голове, видать, зарубки глубокие остались... Значит, так тут было... Вот здесь, где дорога вьется, проходила линия обороны, реденькая цепочка солдат ее держала, но держала крепко. Туда вон, в распадок, за водой питьевой ползали, колодец там был, а верней сказать, источник. А за той горой друг мой схоронен. Как оно случилось? А вот как. Послали меня в разведку и дали мне пять человек — был я в ту пору старшим унтером. Трое — наши солдаты и два — ополченцы болгарские. Задача нам была такая — разузнать численность турецких войск, стянутых на Шипку, их настроение, питание и все такое прочее, ну и исходя из всех моментов определить возможности прорыва в тыл противника. Шесть суток по ночам шли, пробирались сквозь кусты, об камни стукались, а днями прятались да высматривали, где что и как. Собрали сведения и уже возвращались обратно,— случилась беда: в темноте сорвался солдат наш Николай Душинский со скалы и разбился насмерть. Вынести его никак невозможно было: местность трудная, горы, да еще идти

ВИГ БРАТЬЕВ

крайности, но подкрепления крайне необходимы». Пять тысяч русских и болгар противостояли тридцатитысячному корпусу Сулеймана — свежему, отлично экипированному и вооруженному. Перед Сулейманом была поставлена цель: окружить и истребить шипкинский гарнизон, ворваться через перевал в Северную Болгарию и соединиться с войсками Османа-паши, блокированного в Плевене.

«И грянул бой...» Позиции защитников Шипки были крайне неблагоприятны. Растянутые узкой полуторакилометровой лентой вдоль хребта, они давали возможность неприятелю атаковывать с трех сторон. Глубина позиций была невелика: от 60 до 1000 метров. Стоило только таборам Сулеймана перехватить эту тонкую нитку, судьба обороняющихся гарнизона была бы решена.

Утром 9 августа начался штурм Шипки. Оборонявшиеся дрались отчаянно, сбрасывали с горы камни в наступающих, сходились врукопашную; патронов не хватало. К полудню подошло первое подкрепление — несколько батальонов Брянского пехотного полка. Полк шел форсированным маршем, люди выбились из сил, но сразу же вступили в бой. 10 августа подошли части 4-й стрелковой бригады, а вслед за ней 14-я дивизия генерала Драгомирова. Бросок был стремителен, несмотря на встречный поток беженцев и адскую жару. Как пишет в своих мемуарах генерал Анучин, участник шипкинских боев, при виде спешивших к перевалу русских войск «все взрослое население становилось на колени и кланялось в землю». «Много здравия, много счастья,— твердили женщины с рыданиями, глядя на нас. Все мужчины были без шапок. Немало мужчин, женщин и детей были в перевязках. Это жертвы турецких неистовств. Картина была потрясающая».

Был момент, когда казалось, что вот-вот неприятель перехватит дорогу на Габрово и окружит шипкинский гарнизон, но именно в этот момент подошли роты 16-го стрелкового батальона, были посажены на казачьих лошадей, по два — по три человека на одного коня, и брошены в бой.

К 13 августа наступление турок выдохлось. Теперь уже русские стали теснить Сулеймана...

Шипка устояла, оказавшись тем крепким орешком, о который обломила зубы султанская Турция.

Судьба кампании была предрешена. Вскоре Осман-паша сложил оружие в Плевене, а зимой началось развернутое наступление русских войск на Константинополь.

О болгарских ополченцах генерал Скобелев в одном из своих приказов писал: «В сражениях в июле и августе вы заслужили любовь и доверие ваших ратных товарищей — русских солдат».

Шестидневное Шипкинское сражение вошло в историю русской военной славы. Планы Сулеймана были сорваны, корпус его потерпел полное поражение. Слово «Шипка» стало символом доблести и геройства. Здесь совместно пролили кровь русские солдаты и болгарские дружинники. Здесь было заложено основание вечной дружбы болгарского и русского народов.

У подножия Шипки стоит русский храм-памятник. В 1944 году части 3-го Украинского фронта побывали здесь. От имени советских воинов на мемориальной доске у дверей церкви были начертаны стихи, посвященные героям Шипки.

Вдали от русской матери-земли
Здесь пали вы за честь Отчизны милой.
Вы клятву верности России принесли
И сохранили верность до могилы.
Стояли вы незыблемей скалы,
Без страха шли на бой, святой и правый.
Спокойно спите, русские орлы,
Потомки чтят и множат вашу славу...

Никогда не умрет память о героях Шипки — доблестных русских солдатах и болгарских дружинниках. Одна земля укрыла их, одно боевое знамя осенило их могилы.

Ник. КРУЖКОВ

о Хруцкий

можно только ночью. Пришлось на месте схоронить, два дня шапками землю таскали — опять же камень один кругом. Ну похоронили, замаскировали получше — мне ведь строго было наказано — следов за собой не оставлять. Вернулись, доложили что к чему. Потом наступление было успешное. Взяли в плен армию Вессель-паши. Вот за это дело и получил я Георгия четвертой степени за номером 803075. Вручил мне этот крест генерал Скобелев...

Старик этот — Константин Викентьевич Хруцкий — дядо (дедушка) Хруцкий, как зовут его болгары. Он последний живой свидетель и участник боев на Шипке. И народ болгарский пригласил столетнего ветерана посетить места былых сражений. И вот на легендарной вершине Столетова рассказывал он людям о событиях почти вековой давности. На груди его рядом с потемневшим от времени георгиевским крестом сверкает новенький орден Георгия Димитрова — дань уважения и признательности братского народа.

Замерли, вытянув стволы, давно отгремевшие пушки, застыли, словно в почетном карауле, вечными стражами тишины.

Девятьсот семнадцать ступеней ведут к башне, что высится на вершине Столетова. В башне стоят, опершись на ружья, два мраморных воина — русский солдат и болгарский ополченец. У их ног пламенеют гвоздики.

Девятьсот семнадцать ступеней. Поднимается по ним в год миллион человек.

ЛИСТОК ИЗ АЛЬБОМА

Даже не верится, что за плечами этого человека сто тринадцать лет жизни. Румяное лицо, живые, с хитрецой глаза, завидное зрение.

— Видите за теми домами, где просвечивает море, светлую черточку? Там новую нефтегавань строят, частенько езжу туда посмотреть, интересно же...

А это на противоположной стороне бухты, ехать туда надо через весь Новороссийск много километров. Правда, возраст дает себя знать,— пришлось прекратить зимние купания, а то ведь до последних лет можно было и в январе увидеть Хруцкого в море.

— Разве так уж много мне лет? — удивляется Константин Викентьевич.— Вот прадед мой прожил 139, это я понимаю!

Несмотря на воскресный день, я застал дедушку Хруцкого за делами — вместе со своей женой Верой Никитичной он разбирал почту. Стол был завален грудами писем и телеграмм, все это пришло в последние дни, и нужно было разложить их по порядку, решить, кому ответить в первую очередь, и начинать писать. Константин Викентьевич показывает толстые связки писем, аккуратно сложенные на полках,— на эти уже отвечено. Прямо-таки титанический труд!

— И когда вы успеваете это делать?

— Да бывает, сядем с женой за стол друг против друга и пишем целыми днями...

Беру наугад несколько телеграмм — это поздравления с награждением Хруцкого орденом «Знак Почета». Множество писем из самых различных городов Советского Союза — от Хабаровска до Ужгорода, из Болгарии, Румынии. Пишут рабочие и ученые, воины, пионеры. С некоторыми переписка давняя, как, например, с тремя сестрами Радчевыми из болгарского города Ловеч. Их отец сражался вместе с Хруцким на Шипке.

А вот письмо из Софии. Пишет рабочий Кремиковского металлургического комбината Найден Станчев.

«Вы пролили кровь за нашу свободу,— пишет он.— Вы мне дороги, как родной близкий человек, как и мой родной дедушка, который в 1923 году после подавления народного восстания эмигрировал в Советский Союз и отдал свою жизнь, защищая вашу страну на фронтах Великой Отечественной войны».

Удивительно, как переплелись судьбы братских народов: Хруцкий освобождал Болгарию от турецкого ига, дед Найдена Станчева защищал свободу советского народа, а один из потомков Хруцкого в 1944 году пришел освобождать болгар от фашистов. А ведь это из истории только двух семей.

Пока мы разбираем и читаем письма, Вера Никитична хлопочет по хозяйству и, управившись со своими делами, зовет нас завтракать. Константин Викентьевич заговорщически подмигивает и достает из шкафчика бутылку вина, разливает и, пожелав нам здоровья, с удовольствием выпивает стаканчик. Крякнул, вытер усы ладонью и улыбнулся:

— Не могу отказать себе, чтобы перед едой не пропустить рюмочку-другую, может быть, в этом и есть секрет долголетия?

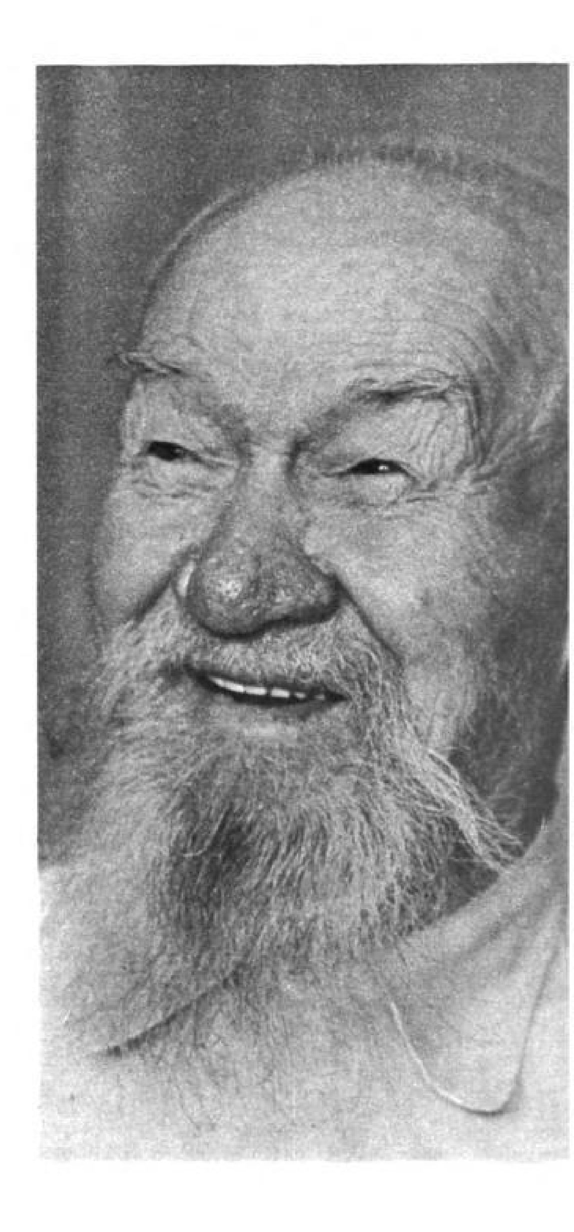
В конце завтрака дедушка Хруцкий развеселился, много рассказывал о своей жизни и даже спел им самим сочиненную солдатскую песню, молодецкую и длинную, в которой нашел отражение весь поход русской армии, освобождавшей Болгарию. Такой песни, вероятно, хватало солдатам на добрый переход. Потом предложил посмотреть альбомы, которых у него множество. Причем он отлично помнит, где какой альбом лежит и что в нем есть.

— Вот на этой фотографии я среди болгарских студентов, они здесь на заводе проходили практику. А это записи, сделанные моряками пароходов «Христо Смирненски» и «Димитр Кондов». Навестили они меня, когда их суда стояли в Новороссийском порту.

И тут я заметил в альбоме большой зеленый лист, засохший, но ярко-зеленый лист неизвестного мне дерева.

— Это для меня дорогая реликвия,— сказал Константин Викентьевич, перехватив мой взгляд.— Сорвал я его в Плевене, в Скобелевском парке, в тех местах, где шли жесточайшие бои. На Шипке я взял с вершины Столетова камень и привез его домой. Хранил, хранил у себя, а потом вместе с другими реликвиями отдал в городской музей. Пусть лучше там хранятся. Мне ведь только память моя принадлежит, а история наша — всему народу. Ему ее и хранить!

Ю. КРИВОНОСОВ

Марга

Борис МИХАЛКОВ

Новелла

Как только покажется над Конской вершиной солнце, пастухи спешат укрыть свое стадо в тенистых ложбинах Алого дола. У каждого свои заботы: одни боятся, как бы не погибли овцы, забившись в ущелье от жары, другие беспокоятся, как бы не взбрыкнула измученная зноем и слепнями корова, увлекая за собой все стадо. Тогда ничто не сможет спасти пастухов от нареканий хозяев, которые всякий раз неожиданно могут появиться на пастбище.

Тень можно найти и выше, там, где шумят густые дубравы дола и петляют в зарослях холодные ручьи, но в полдень долину оглушает эхо ребячьих голосов:

— Полдень, хей-хе-е-ей! Спускайтесь к Марге-е!

— К Марге-е-е!

Марга пасет коней внизу, в левадах Алого дола. В полдень в ивняке собираем овец и коров мы — ее сверстники, загорелые, в царвулях[1] на босу ногу мальчишки, с перекинутыми через плечо самоткаными расписными торбами. Мы смотрим на Маргу, как на дирижера: только поднимает она руку — и все до одного бросаемся мы за дровами, разжигаем костер, печем кукурузу; мигом, обежав сады у реки, возвращаемся с торбами, наполненными ранними сливами, яблоками, грушами.

Марга прячет их в тени высокого благунца[2], а мы, усевшись вокруг, ждем ее благодарной улыбки.

Она никого не выделяла среди нас. Я не был самым ловким среди ребят и не отваживался забираться в сад к своему деду, где были самые сочные и сладкие груши. Мне было мучительно стыдно, когда я наравне с другими пользовался дружбой Марги и ловил ее улыбку, забывая, что в моей торбе совсем не лучшие груши, собранные из-за страха попасться на глаза деду у самой окраины сада.

Пообедаем — и сразу же за свои пастушечьи палки.

В нескольких шагах от благунца выкопана лунка. Рядом лежит дубовый пенек. Это «бабка». И игра тоже называется «в бабки». Тот, кому удастся забить пенек в лунку,— победитель.

[1] Крестьянская обувь из кожи (прим. автора).
[2] Сорт груш (прим. автора).

«Бабка» иногда целый час катается возле лунки — жалкая, ободранная от сыплющихся на нее ударов. Если жребий падает на меня, я сгораю от стыда, что не могу пробиться через барьер палок. Марга в такие моменты внимательно следит за моими отчаянными атаками и не выдерживает — приходит на помощь.

Ее вмешательство всегда обостряет игру. Каждому хочется проявить свою ловкость. Кто-то визжит оттого, что его ударили по ногам. А Марга, раскрасневшаяся, с растрепавшимися по плечам косами, мечется, как волшебница, отбивая резкими движениями удары перед собой. Наконец ей удается забросить пенек в лунку.

Лицо ее сияет от восторга.

— Биты вы, биты-ы-ы! — кричит она побежденным.

В эту минуту я не могу отвести от нее глаз. Тоненькая, гибкая, в ситцевом платье, пестром от белых ромашек, стоит она, опершись на пастушечью палку, и смотрит на нас торжествующе, будто говорит: «Видишь, какая я сильная и красивая. Кто же может победить меня?!»

Мурашки ползут у меня по спине. В голове что-то звенит кузнечиком. Порой мне кажется, она смеется надо мной, мне хочется собрать своих овец и никогда больше не возвращаться в Алый дол. Но я стою как вкопанный.

Она будто догадывается, о чем я думаю сейчас, приближается ко мне и спрашивает:

— Ты рассердился? А мне надоела эта игра — все одно и то же! Пошли искупаемся, а? Ты пойдешь со мной?

Я окончательно убит — она вовсе не считает меня мальчишкой. Товарищи мои ехидно переглядываются. Не ответив, я беру книгу, лежавшую под деревом, и, повернувшись ко всем спиной, впиваюсь в строки невидящими глазами.

Если бы Тарзан, мой любимый герой, мог на несколько минут оставить золотой город Офир и переселиться в Алый дол, он увидел бы огорченную физиономию своего преданного почитателя.

Я лежал на траве, подперев рукой щеку, и смотрел в долину реки, где мальчишки мастерили запруду для купания. Рядом паслись стреноженные кони Марги. Я жевал кисловатые сливы и не слышал, как осторожно пробиралась через кусты Марга. Она подкралась и, схватив меня за плечи, повалила на землю, прижав сильными руками.

Я растерянно смеюсь, но, успев сообразить, что побежден девчонкой, обхватываю ее руками и мгновенно вскакиваю на ноги.

— Я не знала, что ты такой сильный! — сказала она.— А ребята считают тебя городским. Ты ведь к деду из города приехал?

Она поправляет платье, перебрасывает за плечи косы и примирительно говорит:

— Ты знаешь, я тебя слушаю каждый вечер... Красиво играешь! Хочешь, поедем на станцию с аккордеоном? Заберем пассажиров и вернемся. Ну, хочешь?

Если я открою рот, мне кажется, скажу что-то не то. Я только киваю головой в знак согласия. В этот момент я не способен ни говорить, ни двигаться.

Спасают меня кони. Один из них споткнулся о пень и заржал.

— Дорчо! Дорчо! Подожди немножко! — Марга побежала к лошади.

Пока она распутывала ее, я успеваю прийти в себя и кричу:

— Где тебя ждать, Марга?

Она ловко вскакивает на коня и, помахав мне рукой, говорит:

— На дороге! Поспеши, а то опоздаем к поезду!

В долине реки Дикой, среди оврагов и холмов, вниз к Джермену, бежит тонкая лента шоссе.

Старый кабриолет Марги, с обшарпанными кожаными сиденьями, со стертыми шинами, гремит по неровной дороге.

Кабриолет — это единственное наследство, которое досталось ей от отца-извозчика, не выдержавшего конкуренции с владельцем автобуса. Бедняга жил надеждой на то, что мотор автобуса выдохнется на крутой, в выбоинах дороге. Но, возвращаясь каждый день в Дивлю без пассажиров, он все больше и больше пил от отчаяния, пока однажды не нашли его мертвым в сарае с охапкой сена в руках.

В болгарском городе Плевен, в Скобелевском парке, находится филиал Военно-исторического музея. Там бережно хранятся личные вещи русских солдат и офицеров, погибших в боях за освобождение Болгарии от турецкого ига. Среди реликвий русско-турецкой войны 1877—1878 годов в музее вы увидите написанный маслом портрет молодой женщины в костюме сестры милосердия. Это Юлия Петровна Вревская. А в городе Бяла ей воздвигнут памятник, увенчанный лавровым венком.

Ро

Вскоре после этого и автобус и его хозяин исчезли — прошел слух, что транспорт национализируют. Пассажиры, примирившись с отсутствием лучшего транспорта, вновь начинают искать кабриолет старого Панайота. Только теперь сидит на козлах Марга. Она с тревогой прислушивается к разговорам своих односельчан. Они жалуются на долгий путь, проклинают холодный ветер, дождь и морщатся от тряски. И всякий раз Марга боится, что они покинут ее, что каждая ее поездка может оказаться последней.

Я тоже слышал, что ждут в Дивлю новый государственный автобус, который за полчаса будет доходить из Джермена в Дивлю.

Мы выехали на мощенную булыжником дорогу, где сразу же толпа мальчишек встретила нас свистом и криками. Будто не слыша всего этого, запрокинув голову, Марга смотрела вперед. Ее голос сливался с цоканьем подков и звоном бубенчиков. Я слышал ее будто издалека. Она говорила со мной, но глаза ее были сосредоточены на чем-то неясном и тревожном.

За России

...В депеше сообщалось, что генерал-лейтенант Вревский погиб на Кавказе. Едва успев стать женой генерала, Юлия овдовела.

Долго не могла Юлия Петровна пережить боль утраты. Шли годы. Вревская много читала, поступила на медицинские курсы. Однажды ее познакомили с И. С. Тургеневым. Смелые суждения Вревской и цельность ее натуры понравились писателю, и он пригласил Юлию Петровну погостить в Спасское-Лутовиново. Дни, проведенные там, произвели огромное впечатление на молодую женщину...

В 1876 году общественное мнение России было потрясено зверствами турецких пашей, потопивших в крови Апрельское восстание. Названия болгарских городов — Батак и Перуштица — не сходили со страниц газет и журналов. Турецкие власти оставались глухи к неоднократным предупреждениям русского правительства. И тогда Россия объявила Турции войну.

В одном из писем к Е. А. Черкасской И. С. Тургенев писал: «Болгарские безобразия (имеются в виду зверства турок.— П р и м. а в т о р а) оскорбили во мне гуманные чувства: они только и живут во мне — и коли этому нельзя помочь иначе как войною — ну, так война! Зарезанные болгарские жены и дети были бы не христианской веры и не нашей крови — мое негодование против турок не было бы нисколько меньше».

Юлии Вревской Тургенев писал: «И дай бог нашим смиренным героям в больших сапогах действительно выгнать турку и освободить братьев-славян!»

Юлия Петровна отправилась в управление Красного Креста и заявила о своем желании немедленно поехать на театр военных действий в качестве сестры милосердия. Вскоре просьба Ю. П. Вревской была удовлетворена.

Перед отъездом на войну Юлия Петровна увиделась с Тургеневым в последний раз.

К. П. Ободовский писал в «Рассказах о Тургеневе», что в июне 1877 года он гостил у Полонского на даче и туда прибыл И. С. Тургенев, но не один. «С ним вместе приехала дама в костюме сестры милосердия. Необыкновенно симпатичные, чисто русского типа, черты лица ее как-то гармонировали с ее костюмом. Это была Вревская».

Перед отъездом в Яссы в кишиневской гостинице ей вручили пакет. Она узнала почерк сестры. К письму было приложено письмо с французским штемпелем. Она быстро вскрыла конверт.

«...Желаю от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным — и чтобы Ваше здоровье не потерпело... Будем надеяться, что эта бедственная война не затянется; но едва ли можно предвидеть ей скорый конец.

...С особенным чувством благодарю Вас за то, что вспомнили обо мне — и с великой нежностью целую Ваши милые руки, которым предстоит делать много добрых дел.

Еще раз прощайте — будьте здоровы и бодры.

Искренне Вас любящий Ив. Тургенев».

Тем временем военные действия продолжали развиваться. Русская армия, продвигаясь по румынской территории, подошла к Дунаю и, форсировав его, вступила на болгарскую землю. С огромным ликованием встретило русских солдат население Болгарии. Революционный комитет, организованный прогрессивными деятелями страны, обратился с «Воззванием к болгарскому народу», в котором выражалась уверенность, что «скоро победоносные русские знамена будут развеваться в нашем отечестве и под их защитой будет заложена основа лучшего будущего».

В городах и селах, освобожденных от турок, русских освободителей встречали хлебом-солью, цветами. «Мы представляем собой движущийся цветник...» — так корреспондент «Иллюстрированной хроники солдата» М. Федоров писал о встрече русских войск в Тырнове.

45-я военная больница в Яссах, где работала Вревская, находилась вблизи вокзала. 21 июня пришел первый санитарный поезд с ранеными и больными. Потом бывали дни, когда в день приходило по два-три поезда. Весь медицинский персонал работал почти круглосуточно. Самоотверженность сестер милосердия была поистине безграничной. Вревская не знала, что такое сон, и валилась с ног от усталости. Но когда ей предложили поехать в Россию в отпуск, она категорически отказалась. Юлия Петровна после настойчивых просьб получает разрешение выехать на передовые позиции.

Фронт отодвигался все дальше к югу Болгарии. Вревская переезжает в город Бяла (ранее Бела), где обосновалась 48-я военная больница.

Отсюда идут ее письма на родину.

24 сентября 1877 года.

«...Платье страшно обтрепалось, завтра ждем 1500 раненых, сегодня было 800, писать почти не нахожу минуты».

26 октября.

«...Сколько горя, сколько вдов и сирот! Война вблизи ужасна. Я встаю рано, мету и прибираю сама свою комнату с глиняным полом, надеваю длинные сапоги и иду за три версты в страшную грязь в госпиталь. Там больные лежат в кибитках калмыцких и мазанках, раненые страдают ужасно и часто бывают операции...»

27 ноября 1877 года Юлия Петровна пишет И. С. Тургеневу в Париж:

«Родной и дорогой мой Иван Сергеевич. Наконец-то, кажется, буйная моя головушка нашла себе пристанище, я в Болгарии, в передовом отряде сестер...

Тут уже лишения, труд и война настоящая, щи и скверный кусок мяса, редко вымытое белье и транспорты с ранеными на телегах. На мое счастье, подоспел транспорт из Белой, и я, забравшись в фургон, под покровительством урядника, казака и кучера, двинулась по торным дорогам к Дунаю. На следующий день атака турок была направлена на этот пункт. Я получила на днях позволение быть на перевязочном пункте — если будет дело...»

И снова в Петербург идут письма сестре.

«5 декабря. Мы были и на самом передовом пункте, но, конечно, в овраге... сцены были ужасные и потрясающие — мы весь день до глубокой ночи все делали перевязки... Я так усовершенствовалась в перевязках, что даже на днях вырезала пулю сама и вчера была ассистентом при двух ампутациях... Ни газет, ни книг мы не видим. Снег у нас по колено, и дороги всюду очень дурные. Но как можно роптать, когда видишь перед собою столько калек, безруких, безногих и все это без куска хлеба в будущем...»

«21 декабря. Белая. Я теперь занимаюсь транспортными больными, которые прибывают ежедневно от 30 до 100 в день, оборванные, без сапог, замерзшие — я их пою, кормлю. Это жалости подобно видеть этих несчастных, поистине героев, которые терпят такие страшные лишения без ропота; все это живет в землянках, на морозе, с мышами, на одних сухарях. Да, велик русский солдат!»

Вревская участвует в кровопролитном сражении у Мечки — Трыстеник. Эта хрупкая женщина под градом пуль выносила на себе из боя раненых солдат и тут же оказывала им необходимую помощь. Ни болезни, ни эпидемия тифа, свирепствовавшая в госпиталях, не останавливали ее.

В январе 1878 года Вревская тяжело заболела. Вот что писал об этом очевидец:

«Больная впала в беспамятство и не приходила в себя до кончины, то есть до 24 января 1878 г. У нее был сыпной тиф, сильный; она очень страдала. Умерла от сердца, потому что у нее была болезнь сердца».

Могилу для нее выкопали раненые, за которыми она ухаживала, и они же несли ее гроб до старенькой городской церквушки.

Так ушла из жизни славная дочь России. Вревская не дожила до победы русских войск, которая привела к освобождению Болгарии, как не дождались ее двести тысяч сынов России, отдавших свои жизни за свободу болгарского народа.

И. С. Тургенев посвятил памяти Ю. П. Вревской стихотворение в прозе. В нем есть такие слова: «Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастия...»

Взволнованные стихи написал поэт Яков Полонский.

Девяностолетие своего освобождения широко отмечает сегодня вся Болгария. И мы с гордостью и глубоким уважением вспоминаем о наших соотечественниках, отдавших свою жизнь за освобождение братского болгарского народа.

По материалам печати.

Я придерживаю рукой аккордеон, о котором ни разу не вспомнили.

— Знаешь,— говорит Марга, стараясь скрыть беспокойство.— Я скоро перестану ездить на станцию... И коней мама продаст... Вчера приходили их покупать. Ничего мне не жалко. Только вот коней люблю.

Я понял, почему пригласила меня с собой Марга. Ведь кому-то она должна была рассказать о том, что ее давно волновало!

Я не находил утешительных слов и молча слушал ее.

— Мама хочет, чтобы я осенью пошла в гимназию,— продолжала она.— Что лучше: работать или учиться?

Вопрос обращен ко мне, но что я могу ответить: не будь кабриолета у Марги, она никогда бы не пригласила меня поехать с ней на станцию.

— Подождали бы хоть годик,— говорит она, не дожидаясь моего ответа,— может, я бы и сама все решила... Мама сказала, что зарабатываю я достаточно, и, если еще продадим Дорчо и Лиско, денег вполне нам хватит. Ну, нет! — возразила она сама себе.— Девчонки сейчас должны учиться. Вчера Тинку увидела, дочку мельника... Да ты знаешь ее! Так вот, пошла прошлой осенью в гимназию, а сейчас ходит уже на каблучках. И еще, знаешь? Носит колечко с красным камешком. И крутит любовь... Я тоже хотела колечко купить, да мама стала ругать... А Тинке ничего.

Солнце медленно заходило за горизонт, становилось прохладно. Сейчас Марга была похожа на парменку-яблоню, расцветшую на заре, когда все так тихо кругом. Если бы я мог сказать ей об этом!

Она взметнула вожжами, и кони дружно понесли нас по склону. Дробно рассыпались бубенчики. Вот мы уже на мостовой Джермена. Приехали. Станция.

Поезд уже пришел. Марга выбегает на перрон, где обычно ее дожидались пассажиры. Перрон пуст. Я вижу на площади огромную оранжево-синюю машину. Автобус! Я еще надеюсь, что кому-то не хватит там места. Восхищенные дивляне с кошелками и саквояжами спешат к нему, ни разу не посмотрев в нашу сторону. Кажется, автобус способен поглотить все. Я с ненавистью посматриваю на его оранжевые бока.

Марга сидит на козлах.

— Поедем, пока светло! — говорит она каким-то виноватым голосом.

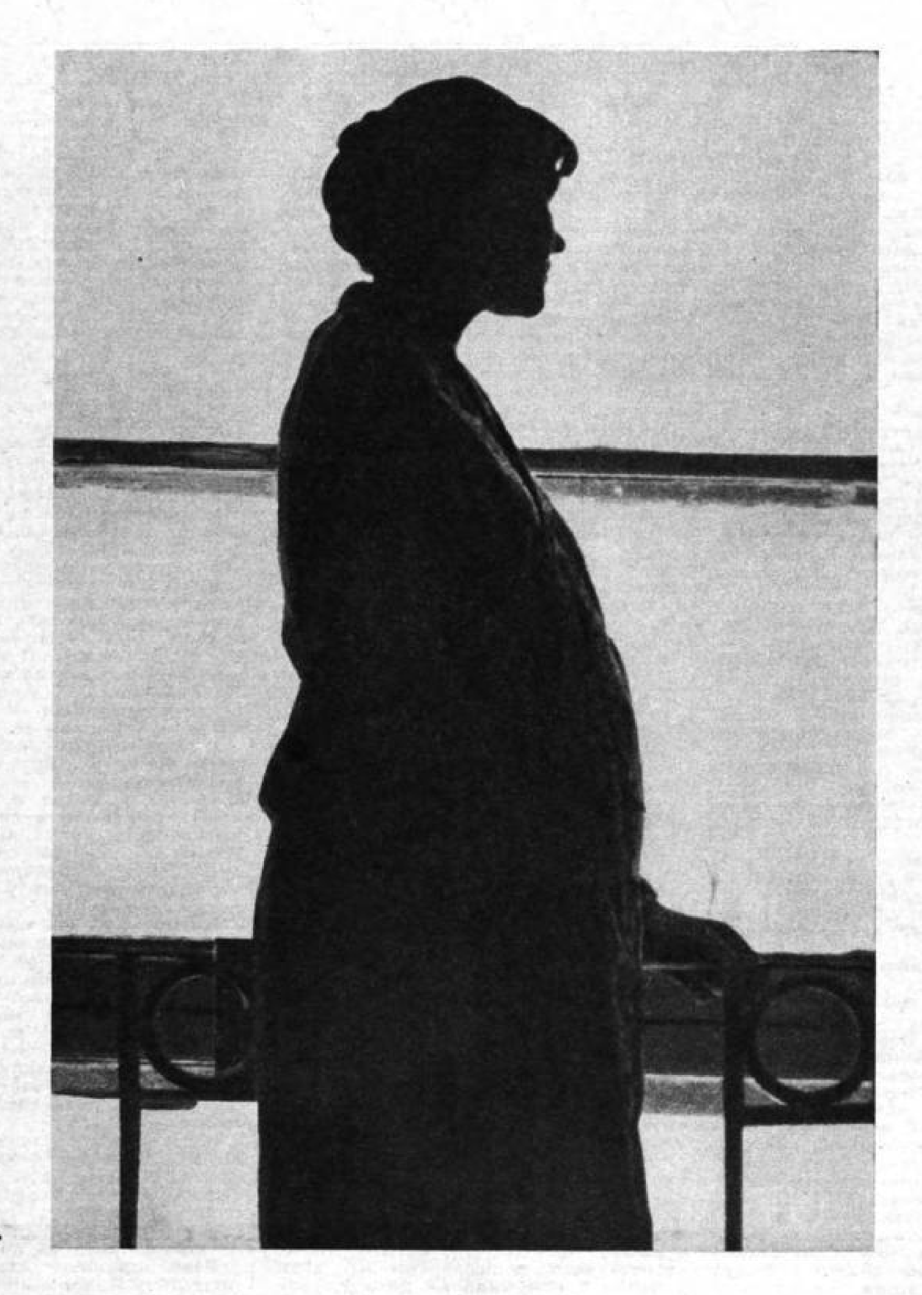
— Поехали, Марга!

Она едва поднимает вожжи, и Дорчо с Лиско пускаются в обратный путь.

Сейчас нас безжалостно обгонит автобус, легко преодолевающий гористую дорогу. И может быть, однажды приедет на нем в Дивлю Марга. На пальце у нее будет колечко с красным камешком. Подъезжая к Алому долу, она скажет своему соседу: «Видишь этот луг, между ивами, с той стороны реки? Я пасла там Дорчо и Лиско и играла «в бабки»!» Ее спутник удивится этим кличкам, а о «бабках» и не спросит...

Может быть, он вовсе никогда и не играл «в бабки»...

Перевела с болгарского Людмила Шикина.

Мать.

СОЛНЦЕ НЕ ДОЛЖНО ЗАХОДИТЬ ДВАЖДЫ

Четыре отца — четыре сына.

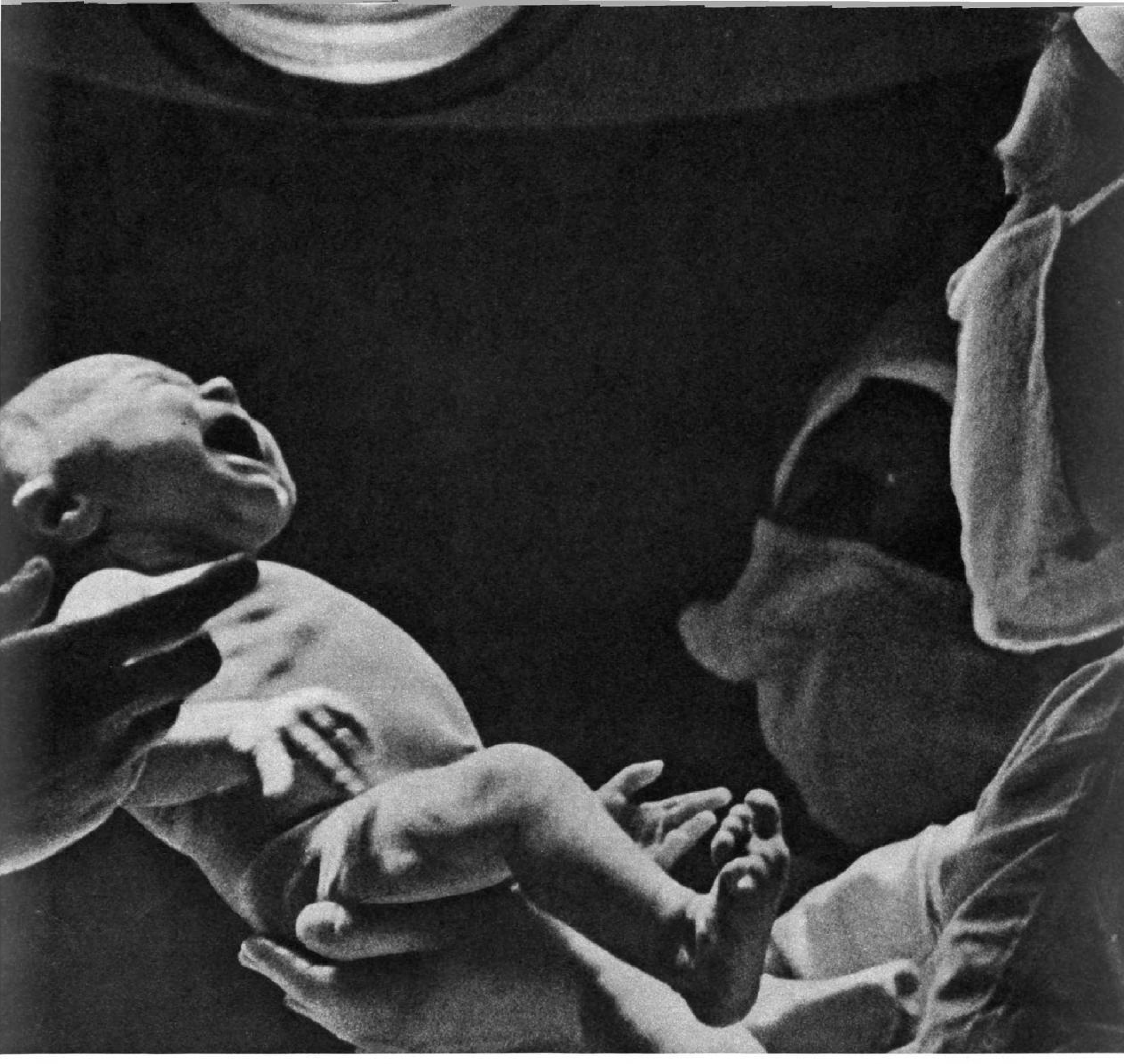

Н. САРАФАНОВА

Фото А. УЗЛЯНА.

Областная клиническая больница охраны материнства и детства во Львове. На плечах у нас белые хрусткие халаты, на голове — глубокая шапочка, лицо до глаз закрыто плотной марлевой маской, на ногах поверх обуви белые бахилы, стянутые шнурками.

Когда говорят о родах, люди обычно вздыхают, улыбаются, рассказывают забавные истории об отцах, ожидающих в приемной,

Первенец.

вспоминают разговоры о форме колясок, о том, какое покупать одеяльце — голубое или розовое... Все это так, но мы не в обычном родильном доме, а в клинической больнице, где роды — это бой. Тяжелая, часто опасная работа.

БЫЛА ВОЙНА...

Старые опытные акушерки, которые не любят сентиментальных слов, говорят о Н. П. Гениной так:

— Каждая роженица ей родная дочь... Нет ночи, чтоб Нина Петровна здесь не была. Не было праздника, чтобы не работала. Сложный случай — только к ней, среди ночи будим. Она машину не ждет: бежит в больницу в слякоть, в мороз.

Нина Петровна Генина, заведующая акушерским отделением больницы, принимает роды в родильном зале № 1. Вечереет. За окнами, схваченными морозом, падает в белый туман красный солнечный диск. Я вспоминаю изречение, что слышала тут накануне: «Солнце над роженицей не должно заходить дважды». Это мудрая мысль, потому что сутки — желательный предел родовых мук.

Я не вижу лица Гениной, белая маска скрывает его, но чувствую: врач-акушер работает вдохновенно. Собранность движений, спокойный приказ взглядом. Размышление. Короткий консилиум с коллегами. Решение. И... атака.

Случай сложный. В этом бою участвует 9 врачей. И среди них — постоянный советчик, соратник — кандидат медицинских наук С. И. Трегуб, руководитель акушерского отдела Львовского научно-исследовательского института педиатрии, акушерства и гинекологии. Больница — это база института. Здесь врачи и ученые работают плечом к плечу.

И, наконец, в этой напряженной тишине — детский звонкий крик. Человек родился! Здоровы и мать и ребенок. Это единственная цель всех, кто трудится в родильном зале.

Нина Петровна снимает маску, пьет горячий чай. Передышка. Продолжает прерванный разговор.

— У нас специфика,— говорит Генина.— Мы помогаем родить тем, для кого это опасно. Причины разные. Вот одна из них. Родители — поколение военных лет. Дети ленинградской блокады, дети войны, те, кто знал бомбежку и голод. Они болели рахитом, сопротивляемость слабая. Вот мы и боремся с войной — здесь, в родильном зале, спустя столько лет...

И вдруг говорит:

— А вы знаете, стройным легче рожать. Красота сложения помогает родам. А короткие слабые ноги, ожирение — наши враги. Толкую матерям: занимайтесь спортом, помогайте себе и нам...

И еще: нам помогает любовь. Когда женщину любят, у нее и походка гордая и выдержки больше...

Я знаю, что у Нины Петровны Гениной четыре взрослых дочери. Но здесь говорят, что детей у нее не счесть: тысяч сорок мальчишек и девчонок, принятых ею. Вся

больница зовет ее матерью. Орденами Ленина и Трудового Красного Знамени наградила ее страна.

МАТЕРИ

В палате бело и солнечно. Радиоузел больницы передает лекцию: масса советов и наставлений. Например, таких: беременная женщина не должна ездить верхом и шить на швейной машинке.

Те, кто уже стал мамой, беспечно пропускают это мимо ушей. Это их вчерашний день, пройденный этап. У них новые заботы. Стайкой они идут в кабинет, где работает школа матерей.

...Со стороны эти мамы напоминают взрослых девочек, играющих в «дочки-матери». Теперь эти выросшие девочки, побледневшие и серьезные, в бумазейных халатах ходят по кабинету, осматривают пеленальный стол, шкаф с лекарствами и сосками, белую ванну.

Врач-педиатр Леся Григорьевна Александрова погружает в ванну белую гуттаперчевую куклу, плещет на нее воду, объясняет: «Головка лежит на локтевом сгибе. Температура кипяченой воды — 37,5°. Добавлен слабый раствор марганцовки, ребенок получает море удовольствия...» Это похоже на добрую милую игру. Но игра кончилась, пришла жизнь, требующая сноровки, знаний.

В больнице — женщины из городов и сел западных областей Украины. Девятнадцатилетняя Лидия Котула из села Купче записывает в свою тетрадь перечень блюд для прикорма ребенка. А биохимик, преподаватель Львовского сельскохозяйственного института Наталия Радченко, чуть прищурясь, останавливается у пеленального столика, вспоминает, как заворачивала меньшую дочь, и спрашивает:

— Метод пеленания не изменился? Все так же — конвертом? Или появилось что-то новое?

А отцы, еще не зная тонкостей дела и будущих больших забот, находятся во власти чувств. Они толпятся в приемной, посылают наверх записки, лимоны, цветы. Зимой матерям не хватает цветов.

— Мы не хлебом единым живем, нам цветов хочется. Ведь это, как улыбка,— сказала мне корректор типографии Вера Голубева.

Захожу в другую палату. Наталия Радченко отрывает глаза от Конан Дойля:

— Знаете, я мечтала родить сына и защитить диссертацию. И мечты сбылись: кандидатскую защитила, правда, позже мужа. А у моих трех дочек теперь есть брат. Даже не верится — сын!

ОТЦЫ

Сестра сообщает:

— Радченко, собирайтесь. Отец с отрядом дочек пришел сына забирать.

В приемной сидят мужчина и три девочки в темных шубках. По рассказам мамы я знаю, что старшая хочет стать врачом, средняя любит играть вальсы Чайковского, а самая маленькая «метит в балерины».

Петр Михайлович Радченко, доцент Львовского сельскохозяйственного института, перебирая в руках цветы, вспоминает, как волновался, когда начались роды:

— Побежал за врачом, раза три упал — гололед. А потом все ждал, думал. Обо всем. О сыне и мечтать боялся... Хочу, чтоб он вырос лучше меня, масштабней...

И вдруг я слышу хор. Это девочки, завидев мать на лестнице, не вытерпели, заговорили:

— Мама, мама, мы коляску купили и одеяло...

Охватив руками сына, завернутого в голубое одеяло, отец и вся семья садятся в машину и уезжают по широкому проспекту.

А под вечер в той же приемной я услышала такой разговор. Очень молодой мужчина в кожушке — бульдозерист СМУ-74 Богдан Галилей, погладив жену по голове — он привез ее рожать,— внезапно подошел к Н. П. Гениной, отвел в сторону.

— Не считайте, что я спрашиваю, не подумав. Я без нее жить не могу. Мальчик, девочка — мне все равно, ребенка хочу. Можно спросить: она будет жить?

— Будет жить,— отвечает Генина. И спешит наверх, в родильный зал. Там снова будет бой, бой за жизнь...

О, эти милые, милые чемпионки!

Свои высокие звания они завоевали на различных международных конкурсах. Их рекорды не измеришь метрами и секундами. Их очарование — труд, талант, мастерство. Вот, например, «Мисс Терпсихора-67» — молодая московская балерина Маргарита Дроздова, покорившая Париж. На V Международном фестивале танца она получила специальную премию имени великой русской балерины Анны Павловой. Или лучшая в мире Чио-Чио-Сан — молдавская певица Мария Биешу...

Сегодня мы рассказываем о нескольких милых и талантливых чемпионках, наших соотечественницах.

1 «Чудо с бантиками»

Так назвала пресса мира нашу Лену Карпухину после ее сенсационной победы на чемпионате мира по художественной гимнастике прошлого года. Ей было тогда всего шестнадцать лет, и ее бантики трогательно раскачивались в ритме музыки.

Победа Лены была неожиданной в высшей мере. Даже для многих специалистов и всезнающих знатоков спорта. Кто же она, что помогло ей столь глубоко выразить понимание искусства движений, кто стоял с ней в начале спортивного пути?

Лена призналась как-то, что она сама и не думала об успехе. И все-таки были три женщины, которые ждали победы школьницы из подмосковного поселка Тайнинская. Больше всех из этих трех в том, что Лена стала чемпионкой, была повинна ее бабушка Полина Ивановна. Это она приехала однажды с одиннадцатилетней внучкой во дворец спорта «Крылья Советов», где Лена стала заниматься художественной гимнастикой. Прошло немало скучных уроков, прежде чем девочка начала делать успехи. И тут нужно назвать имена еще двух женщин, которые открыли в Карпухиной талант балерины и спортсменки и сумели увлечь ее искусством, которому сами служат долгие годы. Это сестры Лисициан. Тамара Вартановна дала Лене школу, а Мария Вартановна отшлифовала ее мастерство.

Наша юная гимнастка, наше «чудо с бантиками», приняла на свои плечи тяжелую ношу чемпионского звания и, думается, готова достойно отстаивать его в будущем.

А. ВАСИН

2 Элегантность

Мы договорились с Милой Романовской встретиться в Храме элегантности, в просторечии именуемом — Общесоюзный Дом моделей. Я была не единственной, кто ждал Людмилу, рядом со мной фотокорреспондент АПН на сдвинутых стульях раскладывал, словно пасьянс, ее фотографии. Вот она на открытии Международного фестиваля одежды, что проходил летом в Москве, а вот по просьбе французской фирмы показывает их модели, а это дóма — с дочкой, а это за самым тяжким ежедневным, многочасовым трудом — примеркой.

— Извините, я задержалась на примерке.

Я много раз прежде видела Милу во время показов. Стройная и в любой модели всегда элегантная, она грациозно и вместе с тем очень естественно шла по помосту, одинаково непринужденно чувствуя себя и в льняном платье с русскими мотивами и в дорогой собольей шубке.

Сейчас передо мной была милая и простая девушка. Гладкие, туго затянутые волосы, отсутствие грима, спортивная одежда делали ее моложе своих лет.

— Сама Элегантность мира! — приветствовал ее мой коллега.

Мила засмеялась:

— Летом во время фестиваля меня назвали Мисс Европа, теперь уже мира, глядишь, присвоят космическое звание... Впрочем, почему бы не поспорить в элегантности с марсианками?

...Года два тому назад я писала о Миле в «Огоньке». Она рассказывала мне тогда, что в качестве посланницы советской моды побывала в социалистических странах, побывала в Англии, Франции, Скандинавии; показывала мне множество газет и журналов со своими фотографиями и восторженными отзывами. С тех пор она была на выставке в Монреале, в других поездках. Там тоже писали о советской манекенщице. И примечательно, что во всех этих отзывах говорят не столько о белизне зубов, длине ног, объеме талии и бедер, как это принято в оценке манекенщиц, сколько об образе советской женщины, который всегда очень достойно олицетворяет Людмила Романовская.

Ну, а профессиональные навыки, где приобретены были они? На это ответить трудно: ведь у нас нет школ манекенщиц. И все же четыре года занятий в Ленинградском хореографическом училище, музыкальная и спортивная школы — все сказалось.

Вот почему на Международном фестивале моды в Москве многочисленные иностранные корреспонденты и представители модных зарубежных фирм признали Людмилу Романовскую лучшей манекенщицей.

И. ВЕРШИНИНА

3 Как в Сопоте

Конечно, любители эстрады и джазовой музыки знали Гюлли Чохели и раньше, ведь выступает она уже 16 лет. И все же популярность, настоящая, полная, пришла к ней в августовский вечер 1967 года.

По московскому времени час был довольно поздний, когда в передаче, что транслировалась из Сопота, польская киноактриса Люцина Винницка объявила о выступлении советской певицы Гюлли Чохели. Гюлли пела последней. До нее выступили все певцы, что приехали на этот знаменитый международный фестиваль эстрадной песни. Публика устала аплодировать и «поделила» уже не только свои симпатии, но и призы среди участников — зрителю это всегда много проще, чем жюри,— когда на подмостках появилась Гюлли.

«SOS» — зазвучал голос певицы. И эта польская песня, призывающая спасти Любовь и беречь ее, нашла отклик в сердцах слушателей всего мира. А назавтра все 55 членов международного жюри отдали свои голоса советской певице. Единогласно они признали Гюлли Чохели победительницей.

Это была уже третья победа Гюлли в этом, 1967, году. Первые лавры — международный фестиваль джазовой музыки, который проходил весной в Таллине, затем — всесоюзный смотр певцов — подготовка к Сопоту, здесь заняла она первое место, и, наконец, Сопот.

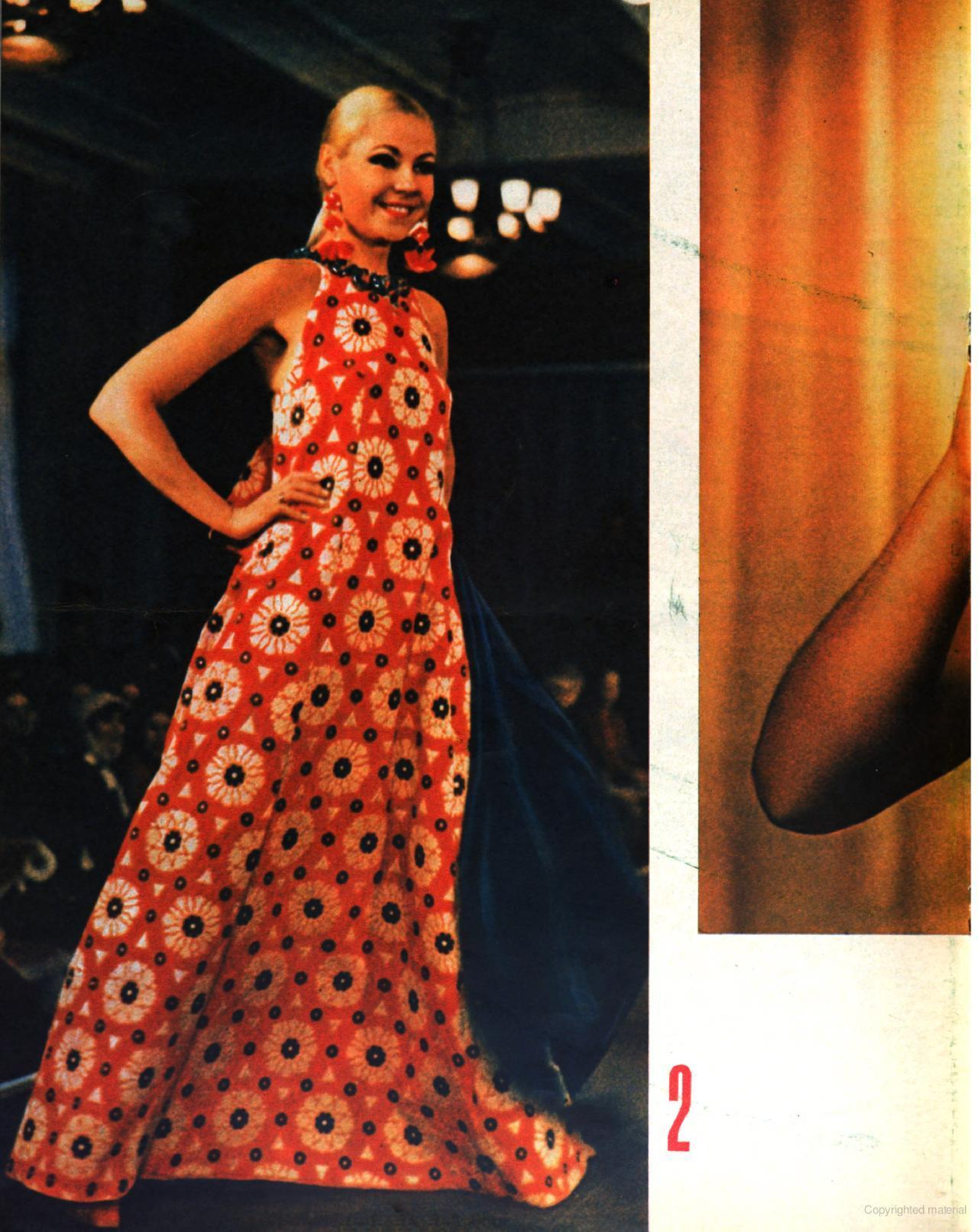
Она давно любила этот фестиваль, правда, ни разу прежде не была на нем, но всегда очень внимательно слушала трансляцию по телевидению. И так уж у них в семье повелось. Когда в концерте не было подъема, муж — композитор и руководитель их джаза Борис Рычков — говорил ей перед выходом на сцену: «Гюлли, давай, как в Сопоте».

Теперь эти слова будут звучать для нее уже иначе. «Как в Сопоте» — это значит полностью отдать все, что умеешь, что знаешь, только так, лучше всех.

Вероятно, так пела она и этой осенью на Кубе, где проходил международный фестиваль песни. Правда, там не присуждали премий, но, судя по отзывам, советская певица Гюлли Чохели и тут была лучшей из лучших. Словом, «как в Сопоте»!

И. СЕМЕНОВА

2

3

Петровна

П. ДОРОНИН

...После трех бессонных ночей, проведенных на переднем крае, где шли кровопролитные бои, мы получили наконец возможность выспаться. Маленький юркий «виллис» мчал по пыльной дороге на восток — наша группа получила задание проверить оборонительные укрепления в тылу армии. Солнце уже перевалило через зенит, когда проселочная дорога, по которой мы ехали, вышла к небольшой речушке. Через нее был переброшен шаткий мостик. Шофер вышел посмотреть, как лучше проехать. Вслед за ним вылезли и мы. И только здесь, на свежем воздухе, вспомнили, что с утра ничего не ели. Начальник инженерных войск, пожилой, грузный человек, проворно расстелил плащ-палатку на берегу под раскидистыми ивами. На нее посыпались банки с американской колбасой, прозванной солдатами «вторым фронтом». Запылал костер. Скоро на ивовых шампурах зашипела колбаса. Так как сала в ней почти не было, она больше горела, чем жарилась. Однако все уверяли, что такого вкусного шашлыка не едали в лучших московских ресторанах. Перекусив и выпив положенное фронтовику, задремали. Но вскоре нас подняли комары.

— А что, если завернуть в деревню? — предложил кто-то.— Вон виднеется! Хоть одну ночку поспим, как люди!..

Через двадцать минут мы катили по широкой улице села. Шофер, никого не спрашивая, остановил машину у добротного пятистенного дома. Пожилая женщина с лицом, сохранившим необыкновенную красоту, встретила нас на пороге и, приветливо улыбаясь, ввела в дом. Комнаты были чистые, каждая вещь так аккуратно лежала на своем месте, что, казалось, сдвинь ее, и дом потеряет весь уют. Продолжая улыбаться и не давая вымолвить ни слова, хозяйка стала было рассаживать нас по местам, но, взглянув на наши лица, почерневшие от пыли, достала мыло и полотенце, повела к колодцу.

Все хозяйственные постройки под стать дому, видно, что делали их разумные, умелые руки.

Освежившись, мы присели под старой яблоней. Было по-мирному тихо и тепло. С улицы слышалось пощелкивание пастушьего бича. Шло стадо. Небольшими группами возвращались с полей колхозники. Многие, заметив военный «газик», притулившийся у забора, заворачивали в наш двор.

— Здравствуй, Петровна,— кланялись они хозяйке.— А у тебя никак гости?.. Ну, как там?..

И мы понимали: как дела на фронте? Но что мы могли сказать утешительного? По тяжелым оборонительным боям было видно, что фашистское командование начало на юге мощное наступление. И что через несколько дней эта деревня разделит судьбу многих других, что попали под фашистскую пяту.

Стемнело. Яркие звезды зажглись над нами. На пороге показалась хозяйка и пригласила в дом. Войдя, мы ахнули. Посредине ярко освещенной комнаты стоял густо уставленный всевозможными яствами стол. Так встречают самых дорогих гостей, и то лишь по большим праздникам. Петровна рассаживала нас за столом обстоятельно, как бы оценивая каждого. Начальнику инженерной службы, видимо, с учетом его солидности, досталось старое, бог весть откуда взявшееся в деревенском доме кресло. Самого младшего, Сережу, Петровна усадила у окна на табуретке.

Шофер сбегал в машину, принес водки. Все встали и провозгласили тост, тогда самый главный — за победу! Чокнулись с хозяйкой. А она все хлопотала, все подкладывала нам на тарелки, все приговаривала:

— Ешьте, ешьте, дорогие. На войне-то, небось, всяко приходится.

Внезапно голос ее осекся:

— Мои, пока живы были, писали — добрые люди с ними последним делятся...

Было в ее голосе нечто такое, что заставило нас сразу примолкнуть. В доме наступила тишина. Посидев немного молча, Петровна сказала:

— Старший-то у меня больше по хозяйству смекал. С батькой неразлучны были. И на колхозных работах, куда ни пошлют, все у него спорилось. Старики, на что придирчивы, и те довольны были. Младший, этот большое прилежание к науке имел. Учителя все его хвалили. Батя часто над ним шутил: не в отца, мол, пошел, чернильной душой будешь. А он не обижался. «На тебя, батя, хочу быть во всем похожим»... Отец-то хоть всего три класса образования имел, зато первейший кузнец на всю округу. Так вот, бывало, пошутят за обедом. А вообще-то дружно жили. Дай бог каждому!

Хозяйка говорила о сыновьях и о муже, как о покойниках.

— Неужели уже в первый год войны полегли все трое? — спросил я Петровну.

Вместо ответа она достала с божницы три бумажки и протянула мне. Это были похоронные: на двух сыновей и, как говорила Петровна, на батю. Я смотрел на эти страшные вестники несчастья и молчал. Чем тут утешить?..

Так и не найдя, что сказать, я передал похоронные сидящему рядом товарищу. Тот посмотрел их и, не произнеся ни слова, передал дальше.

Петровна переводила взгляд на каждого, кто держал в руках эти страшные бумаги. Когда похоронные вернулись к ней, она просто сказала:

— Вот так и осталась я одна. Первые-то дни как помешанная ходила, теперь немного оклемалась. Да и люди, спасибо, помогают. А одной разве можно такое одолеть? Даже те, с кем раньше особой дружбы не имела, просто жили в одной деревне, и то теперь заходят. В лавку идешь — человек десять окликнут, к себе позовут, расспросят, не помочь ли чем... А о родных и соседях говорить нечего. Девчата, которых мы с мужем будущими невестками считали, тоже заглядывают, по хозяйству помочь.

Я не заметил, как Петровна убрала со стола. Опершись на руку щекой, она сидела и смотрела в одну точку.

— Что же делать...— сказал я.— Теперь не у вас одной такое горе.

Спокойный ответ Петровны «бывает и много хуже» ошеломил нас. Никто просто не мог представить большего несчастья.

Но Петровна продолжала:

— Вот у моей соседки страшное горе. Пять дней назад на колхозном собрании читали письмо, в котором говорилось, что ее сын оказался изменником Родины. Ведь это не только на семью — на все село позор. Никуда глаза баба показать не может. Да и к ней никто не идет! Даже родичи чураются! Вот оно как... Жаль мне ее. Женщина хорошая. И откуда у нее такой выродок взялся? Правда, и до армии был непутевый. Раз даже в тюрьме сидел. А муж-то раненый. Где-то в госпитале лежит. Каково, как узнает!.. Я уж ей советовала, пока не поправится, не писать...

Утром «газик» умчал нас дальше, но рассказ Петровны навсегда запал мне в память...

Летом 1943 года, после разгрома немцев на Волге, мы наступали теми же дорогами. Естественно, что в первое же свободное время я поехал в знакомую деревню.

Еще с проселка мы увидели, что деревни-то почти нет. Сохранилось десятка два домов, разбросанных в разных местах, торчал лес обгорелых печных труб. Поколесив по разбитой улице, я не отыскал усадьбы Петровны и постучал в окно одного из уцелевших домов. Высунулась старуха.

— Бонбой ее, милый, убило. Бонбой... Как раз в тот день, когда наши уходили.

Пошамкав беззубым ртом, старуха добавила:

— Смерть-то легкая... Корень их весь кончился. Мужиков на фронте поубивало, а ее, сердешну, дома. А дом во-он там был. Где журавель. Один журавель и остался.

Я сказал шоферу, чтоб он подъехал к этому месту. Засохшая яблоня черным, уродливым скелетом выделялась среди бурьяна — этого постоянного спутника войны и разорения. Одиноко торчали столбы изломанного забора. Колодец, у которого мы в тот раз мылись, обвалился. Лишь чудом уцелевший журавель сиротливо стоял, как бы говоря: «Смотрите, что наделала проклятая война!..»

Я слез, побродил по двору. Споткнувшись, разглядел остатки крыльца. Того самого крыльца, на котором встречала нас приветливой улыбкой Петровна...

АМАЗОНКА ИЗ МОСКВЫ

4

Впервые она села в седло в олимпийском 1956 году. Тогда имя Елены Петушковой, конечно, никому не было известно. Да и сама девушка вовсе не думала о спортивных лаврах. Она просто пришла с мамой в Сокольники, чтобы попробовать прокатиться на лошадке.

Прошли годы. Серебряный кубок вместе с подарком французской парфюмерной фирмы был присужден амазонке из Москвы на чемпионате Европы по выездке. И теперь имя замечательной советской спортсменки, Мисс Европы, мастера спорта международного класса Елены Петушковой широко известно.

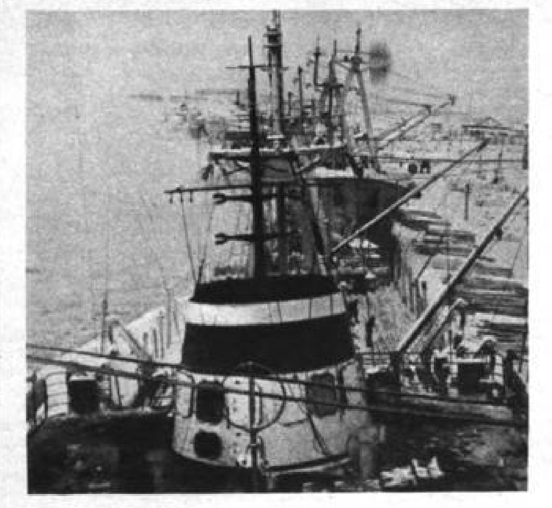
Елена не может назвать самый счастливый для себя день. Ну, хотя бы потому, что таких дней у нее уже два: первый, когда ей удалось выполнить первый разряд, а второй — тот, когда пришло известие, что она Мисс Европа. Сразу после этого Елена подверглась бурной атаке журналистов. Беседуя с корреспондентами, спортсменка заявила, что она рада успеху как москвичка, поскольку высокий титул удалось привезти в Москву, как спортсменка, получив серебряный кубок, и чисто по-женски — изумительным французским духам.

Елена не только хорошая наездница, идеал которой известный наездник Сергей Филатов, но и преуспевающий научный сотрудник. Недавно Петушкова успешно защитила кандидатскую диссертацию по биохимии.

Нынешний год станет для Елены Петушковой более спортивным, чем все предыдущие. Впереди Олимпийские игры, и амазонка интенсивно готовится к предстоящим стартам.

Г. ШУРОВ

Подруги часто встречаются около почты.

На таком же большом лесовозе плавает помощником капитан Александр Шутов.

Живет морячка в Архангельске...

Три подруги, три морячки, шлют телеграммы в океан. Людмила Рюмина, Галина Шутова, Светлана Жданова (слева направо). Мужья их плавают на одном судне.

Для Леньки у мамы всегда много ласковых слов.

Хлопоты по хозяйству.

Когда спит Ленька...

Живет в Архангельске морская семья. Семья как семья, каких сотни в городе.

Александр Шутов плавает на большом океанском судне третьим помощником капитана, закончил Архангельское мореходное училище, а сейчас учится заочно на третьем курсе Ленинградского высшего мореходного училища. А жена его Галя готовится к защите дипломного проекта в Архангельском лесотехническом институте.

Трудная жизнь у моряков, да и у морячек не легче. Александр уходит в плавание на шесть — восемь месяцев. Вернется судно домой, в архангельский порт, на две-три недели, и снова — в море. И снова морячке грустить, ждать...

День у Гали загружен до предела. С утра надо семимесячного сына Леньку отвезти в ясли. Потом бежать в институт, оттуда — на лесозавод, где проходит практику. К шести нужно торопиться за Ленькой. А потом хлопоты по хозяйству. И только поздно вечером можно сесть за учебники, поколдовать над чертежами.

А бывает и так: возьмет географический атлас (он есть в каждой морской семье), посмотрит, где Сашино судно, и подсчитает, долго ли еще ждать. Она уж точно знает, сколько идти Сашиному судну от одного порта до другого. А утром забежит на почту — дать Саше телеграмму. Вроде бы и поговорили. Одно слово — морячка. Она уже три года морячка.

Зато когда Александр возвращается домой, для Гали это самый большой праздник. И тогда вся она преображается, и на ее лице столько радости, столько счастья, что хватает его на всех окружающих. И Александр в такие дни не суровый помощник сурового капитана, а просто хороший, добрый парень.

В. ПОПКОВ

Фото автора.

Александр уходил в плавание летом, а вернулся зимой.

ПРОИГ НА

Нора АДАМЯН

Рассказ

Рисунки Ю. Вечерского.

На остановке «Бега» из трамвая вышли почти все пассажиры и среди них Люба. Было солнечно, морозно, и она подумала: «Ладно, хоть подышу свежим воздухом». Ей хотелось найти какое-то оправдание своему поступку, который в душе она считала сумасбродным, даже чуть стыдным. С чего это она, мать своего ребенка, обстоятельный человек, пошла на бега?

Но Антонина Васильевна очень уж уговаривала, а под конец привела и этот довод: «Хоть воздухом подышите».

Люба приехала раньше назначенного времени. У самой трамвайной остановки был большой магазин тканей, и она постояла у каждой его витрины, рассматривая пестрый штапель, блестящий шелк и спокойную шерсть.

В одном из стекол удачно упавший свет, как в зеркале, отразил Любу — пышный воротник из черно-бурой лисы, сапожки на каблуке, пуховый платок.

«Не хуже других,— подумала она,— и чернобурка опять в моду вошла, а он где-то шляется, шляется, и то, чего я всю жизнь боялась,— ребенок без отца будет расти...»

Тут подошел трамвай с противоположной стороны, и среди высыпавшихся из него людей оказалась Антонина Васильевна. Пошла она навстречу Любе с широкой улыбкой, нисколько не заботясь о том, что, хотя верхние зубы уже вставлены, на нижние никак не набираются деньги, и потому торчат внизу одни пеньки.

А лицо у нее было счастливое и чуть сконфуженное, верно, потому, что за Антониной Васильевной шел мужчина в неприметном пальто и шапке-ушанке. Мужчине было лет за сорок, но познакомила его Антонина Васильевна с Любой как-то несолидно, скомканно сказала: «Вот это Витя»... И тут же заторопила всех в глубину улицы, где наверху, над огромным зданием, летели каменные кони. Народ шел туда рядами, как на демонстрацию. Люба ничего тут не знала. Распоряжалась Антонина Васильевна. Витю послала за билетами и сказала: «Возьми по сорок...» Люба тут же хотела отдать ей сорок копеек, но Антонина Васильевна не взяла.

У всех в руках были книжечки с конской мордой на обложке. Антонина Васильевна размахивала такой книжкой и убеждала Любу, понизив голос:

— Сегодня особые призы. Русские тройки.

В больших холодных залах у буфетов толкались любители с утра пораньше выпить пива, а на овальном белом поле лошадей готовили к очередному параду, состязанию, празднику.

Антонина Васильевна знала, какую лошадь как зовут, и называла Любе странные смешные имена — Гордец, Напев, Бархотка, Огонь...

Показала знаменитую женщину-наездницу Пашкову.

— Надо же! — сказала Люба.

В общем, ей было интересно, особенно когда выехали на разминку тройки и проскакали мимо трибун, как на картинках — коренник прямо, а пристяжные, отвернув в стороны округлые шеи. Любе понравилась одна тройка — мышино-серого цвета.

Антонина Васильевна очень радовалась тому, что Люба оживилась. Если уж пришла беда, надо ее перебарывать. Что толку горевать да киснуть! Не она первая, не она последняя. Тем более, что уже не вернешь, не склеишь. Это Антонина Васильевна сразу поняла после разговора с мужем Любы.

До этого разговора она его почти не знала, всего-то несколько раз видела, когда он заходил за женой. Поэтому ей было неловко вмешиваться, но Люба настояла:

— Поговорите, он вас очень уважает...

Сергей, конечно, не мог уважать почти незнакомую женщину, и потому Антонина Васильевна сразу сказала:

— Вы имеете полное право послать меня к черту за мое вмешательство, и я не обижусь. Но я старше вас, сама много пережила, и в данном случае у меня одна цель — помочь вам наладить семейную жизнь.

Он сидел, уткнувшись взглядом в пол, и молчал.

— Если не хотите говорить, это — ваше право. Я уйду. Только вы и самой Любе не объясняете никаких причин.

— Она знает,— ответил он, не поднимая головы,— она все отлично знает. Она сама этого хотела.

— Как она могла хотеть, чтоб ребенок отца лишился?

— А я своему ребенку всегда отец. Я ребенка никогда не оставлю.

Антонина Васильевна давно уже рассеяла для себя заблуждение, что откровенный разговор двух людей может разрешить жизненные противоречия. Сейчас она знала: правых и виноватых почти никогда нет. Правда всегда где-то в середине и понемногу склоняется то в одну, то в другую сторону.

Уже не веря в успех своего предприятия, она сделала еще попытку:

— Столько лет вы вместе прожили, мальчик у вас, квартира. Люба — и хозяйка и работница. В чем вы ее упрекаете? Изменила она вам?

— Нет, этого не было.

— Значит, в самом главном грехе против мужа Люба не виновата. И у вас вроде никого нет. Почему же вы у себя дома куска хлеба съесть не хотите? Почему к матери ходите ночевать?

— Ну, невозможно мне вам все это рассказать! — вдруг закричал он.— Двенадцать лет я с ней, как в предбаннике, живу. Я, если хотите знать, измену простил бы. А отраву день за днем, скрипенье ее, учет да. расчет... Да я здесь больше куска не съем. Слишком много меня этим куском попрекали. А! — Он махнул рукой.— Нет у меня возврата. Нет и не будет. Хочет — пусть замуж идет. Я ей развод хоть завтра дам.

— Уж тогда вы сами на развод подавайте.

— Мне он ни к чему. Но жить я с ней не буду. А ребенка не брошу.

Люба выслушала точный пересказ этого разговора. Выслушала жадно, в решительных местах деловитой скороговоркой приговаривая: «Так, так, так...»

Потом вдруг удивила Антонину Васильевну спокойной уверенностью:

— Ничего. Перебесится. Никуда не денется.

Но шло время, и все чаще Антонина Васильевна слышала покорно-скорбный голос Любы:

— А может, у него баба есть... Нет, в самом деле, откуда я знаю...

И женщины их смены горестно соглашались: конечно, очень возможно и скорее всего. И давали Любе разные советы.

— Вы посмотрите, как я исхудала.— Люба оттопыривала пояс юбки.— Не подумайте, что я из-за него так переживаю. У меня к нему уже все отсохло. Мне только Володечку жалко. Ребенок все понимает. В этой четверти по английскому отставать стал. Я учительницу спросила: может быть, это потому, что у нас в семье драма? Она говорит: «Очень может быть».

Или в разгар работы, упаковывая заказ, вдруг скажет, как простонет:

— Нет, вы подумайте только, какой дурак! Володя и то говорит: «Мама, у нас папка — дурачок, не хочет с нами жить...»

Антонина Васильевна все это понимала. Когда-то она сама горела на таком огне. Правда, давно и зря, потому что муж ее был не золото и жизнь без него оказалась куда прекрасней. Но тогда потеря мнилась невозместимой. Пугало одиночество — страшный спутник стареющих женщин, душила обида, возмущала неблагодарность. Выходила, выучила—спасибо, прощай! Хотя из благодарности с женами не живут. А она его, сероглазого пьяницу и хвастуна, любила. Даже травиться хотела и Зинку убить мечтала. Господи! Убить Зинку! Смешно...

И потому она не могла оставить Любу углубляться в переживания и позвала ее с собой на ипподром, чуть конфузясь, словно в этом увлечении бегами было что-то предосудительное. И, не упоминая о своих проигрышах и редких выигрышах, она соблазняла мрачно-настороженную Любу красивым зрелищем, спортивным интересом и, наконец, свежим воздухом.

Но теперь ей надо было поставить на дубли и одинары, надо было посоветоваться с Витей — они всегда играли вместе, и все это хотелось проделать не то чтобы тайком от Любы, а так, не очень заметно.

Люба уже сконфузила Виктора:

— Вы что ж это, каждое воскресенье сюда ездите?

Он покраснел.

— Да, почти что...

— А жена, небось, дома сидит, детей нянчит?

Бедный Виктор совсем растерялся. Жена его нянчила уже не детей, а внуков, подолгу уезжала к дочери в Донбасс, и вообще у них, как в каждой семье, были свои сложности, которые он превозмогал как мог. И Виктор предпочел отойти от этих расспросов подальше.

Антонина Васильевна насилу разыскала его, и они, склонившись над книжечкой, принялись гадать над прекрасно звучащими строками: «Русские тройки. Большой московский приз. Коренник Надир — от Персика и Ниагары, правая пристяжная Астра — от Люцифера и Атмосферы...»

Все зрители ипподрома — старые, молодые и совсем юные — углублялись в свои книжки и бегали к кассам покупать билеты, связывающие их судьбу с красавцами, вернякам, фаворитами.

Здесь каждый знал свою тайну и рвался узнать чужую.

Высокий мужчина в распахнутой шубе шел по проходу между скамейками и наткнулся на Любу.

— Какая возьмет? — требовательно спросил он, тыча в нее пальцем.

РЫШ
БЕГАХ

— А не все равно? — Она даже улыбнулась ему, поддаваясь царящей здесь общности интересов.

— Как это может быть все равно?

Он облокотился близко возле нее, почти прижался к ее плечу.

— Первый раз здесь?

— Да уж конечно.

От мужчины приятно пахло одеколоном и пивом. Он был не пьян, а словно охвачен радостью.

— Играть надо, женщина,— сказал он,— кровь полировать надо, прекрасная вы женщина.

— Так ведь здесь, наверное, все обман?

— Обман,— значительно подтвердил он.— Они хитрят, а наше дело — их хитрости предусмотреть и в контр свои выставить. Вот войдете в долю со мной, прекрасная женщина?

Он взял ее руку, но тут Люба опомнилась и отодвинулась. Куда девалась Антонина Васильевна? Завела и бросила ее тут одну.

Диктор громким, чистым голосом объявил по радио первый заезд русских троек. Все бросились к барьерам, и этот сумасшедший, даром что называл прекрасной женщиной, тоже куда-то ринулся.

Рядом с Любой незаметно оказалась Антонина Васильевна. Они с Виктором поставили на самую перспективную тройку костромских жеребцов, и в долю с ними вошел Игорь Иванович, водитель такси, постоянный член их компании. Он сегодня работал, но плюнул на план, поставил машину возле ипподрома. Маленький, легко одетый в кургузую курточку, Игорь Иванович поднимался на цыпочки, чтоб не пропустить самой главной секунды.

И вот она настала. Тройки помчались, полетели, яростно, страстно, будто от этого бега зависела их жизнь. И весь ипподром затих, пока они летели мимо трибун, только когда они заехали за круг, люди зашевелились и Антонина Васильевна зашептала:

— Первые, первые, голубчики мои, первые...

— Да кто первые? — спросила Люба.

— Наши...

— Рыжие, что ли?

А ей больше нравились мышино-серые, хотя пробежали они последний круг последними, но так мчались, так мчались...

И по второму кругу костромские сначала были впереди, и народ радостно кричал им навстречу, а потом, когда они удалились от трибун, что-то с ними сделалось, и громкий дикторский голос объявил:

— Геркулес сделал проскачку.

— А-а-а-а-х! — горестный стон прокатился по ипподрому.

Антонина Васильевна сразу разочаровалась, а маленький таксист, стоящий впереди Любы, еще сильнее задрожал в своей курточке, рассчитанной на теплую кабину такси.

Теперь бежали две тройки, и так случилось, что резвые карие, которые сначала были впереди, отстали, а круглобокие серые шли и шли, вырвались вперед, седок их почти сполз на дорогу, чтоб облегчить ход, а наездник подался вперед, и серые пришли первыми.

Люба была довольна.

— Как в воду глядела,— сказала она.

— Если б угадать,— растерянно улыбалась Антонина Васильевна.

— Ну и что бы?

— На них и не ставил почти никто. Вдесятеро взяли бы.

— Вот как, за здорово живешь? — удивилась Люба.

Ее защемила злая досада. Конечно, если б знать, она и трех рублей не пожалела бы. Ведь угадывала она!

Издали замаячил Витя, и Антонина Васильевна предложила Любе погреться. Огромное фойе показалось теплым, только теперь почувствовалось, как замерзли руки и ноги. Антонина Васильевна опять скрылась, правда, неуверенно предложив Любе:

— Выпьем по стаканчику горячего вина?

— Какого еще вина? — изумилась Люба. И Антонина Васильевна не стала настаивать — пропала и пропала.

А народ вокруг кипел, как в хорошем универмаге, все больше мужчины, хотя и женщины попадались.

Вдоль стен стояли деревянные кресла. Люба высмотрела одно свободное и села рядом с женщиной. Женщина была совсем молоденькая, беременная. Люба поняла, что она пришла последить за мужем, чтоб он не проиграл последних денег.

— Шарашкина фабрика это,— сказала она.— Дураков обманывают.

Молоденькая взглянула на Любу холодными, пустыми глазами и отвела их в толпу, а потом к ней подошел парень, и они оба склонились над книжечкой, да все шепотом, шепотом. Люба только услышала: «Баян, Баян!..» И вокруг это имя звучало то тут, то там — Баян, Баян...

Какой-то ветхий старичок сел рядом с Любой — на что он ей сдался! — и всерьез тихонько спросил:

— Вы как — на Баяна или на Снежинку?

— А я никак,— рассердилась Люба и ушла из прокуренного этого зала на чистый морозный воздух. А про себя решила, что Баян ни за что не выиграет, вот всем назло. И когда диктор стал выкликать лошадей, она загадала на кобылу с красивым именем Мольба, хотя не знала, какая из десяти готовых к бегу Мольба.

Антонина Васильевна прибежала таинственная и взбудораженная. Пустили слух про Баяна. Но не он будет фаворитом. Большие деньги рядом ходят! Они втроем поставили на «темную» лошадку.

— Вина-то выпили? — спросила Люба.

И снова выехала машина, все затихло, и ударил колокол.

Вперед вырвался Баян. Сам конь белый, литой, на наезднике камзол и шлем голубые, рукава и лента бордо. Как в кино. И почти весь круг он шел впереди, и ипподром ревел от радости, а потом с ним поровнялись серая в яблоках и рыжая лошади, бежали голова в голову, не отставая.

Люба прилегла на барьер, так, кажется, и прыгнула бы, чтоб помочь серой лошади, хотя она еще не знала, что именно это Мольба, та самая «темная» лошадка, которая в конце концов обогнала Баяна. А Антонина Васильевна поставила на какую-то Пышку, которая приплелась последней. Люба не ожидала от себя, что так взволнуется. Ей казалось, что она всем говорила про Мольбу, а они ее не послушались... Надо же! Сколько можно было выиграть!

Уже не таясь, Антонина Васильевна стала складываться с Виктором и таксистом. Победителя следующего заезда они знали точно.

«А вдруг? — подумала Люба.— Берут же люди».

Но только всем ни к чему было знать про ее деньги. Она отвела Антонину Васильевну в сторону и дала ей три рубля. Волновало ее то, что она не могла сама разобраться, какие билеты брать, сколько, на какую лошадь ставить. Впереди еще были и главные призы, и тройки, и выдающиеся фавориты.

Она кричала со всем ипподромом, когда первой пришла Верная Знакомка и выдача была большая, но Антонина Васильевна взяла в долю не только таксиста, а еще какого-то постороннего человека, и он за свои двадцать копеек отхватил полтора рубля.

— И на что вам это сдалось? — рассердилась Люба.

А Антонина Васильевна, чувствуя себя виноватой, оправдывалась:

— Надо же выручить человека. Другой раз и нас выручают...

Выигранные деньги тоже пустили на ставки. Любе никто не сказал, сколько осталось от ее трешки, как ее распределили. Она и сама не спрашивала. Как околдовали ее! Опять рублевку отдала Антонине Васильевне. Сделали ставку на Булочку, золотистую лошадку. И так она их подвела! Не успели кони взять разгон, как на весь ипподром диктор закричал:

— Булочка сбоила!

И тут Люба чуть не заплакала. Все добрые кони бежали, а Булочка вовсе сошла с круга, и уже было ни к чему смотреть, кто придет первым. И это уже был конец бегам.

Таксист Игорь Иванович совсем посинел. Люба ему сказала:

— Мало того, сколько денег потеряли, еще и заболеете скорее всего. Вы, конечно, меня извините, я прямой человек. Я что думаю, то и говорю.

Он зло посмотрел на нее коричневыми глазами и промолчал. А что ему сказать?

Люба сразу хотела уйти, но Антонина Васильевна задержала ее. Оказывается, им еще следовало получить какой-то выигрыш.

В кассовом зале люди толкались у окошек, весь пол был усыпан разноцветными билетиками. Буфетчицы полоскали стаканы.

Выигрыш оказался пустяковый. Витя роздал по семидесяти копеек. Дал и таксисту и еще какому-то чужому человеку. Так ли не так — ни проверить, ни понять Люба не могла, только на сердце у нее все больше накипала горькая злоба. Три тридцать, не считая дороги, пущено псу под хвост! Трудовые, не лишние для ее ребенка. Это же ужас!

А мужчин вокруг тысячи. Чем посидеть бы в выходной дома, женам по хозяйству помочь, оставили здесь деньги, утаенные от семьи! И для чего, спрашивается? Пьяницу и то больше понять можно, тот хоть в себя... А ее просто завлекли и обдурили.

Но Люба ничего не сказала Антонине Васильевне. Все же та постарше и по годам и по стажу работы.

А короткий день уже синел. Народу на трамвайной остановке собралось множество. Анто-

нина Васильевна стояла с Витей, и у нее еще что-то было на уме. Улыбаясь своей щербатой улыбкой, она сказала Любе:

— Есть предложение пойти в чебуречную. Портвейну выпьем.

— Нет уж, спасибо, меня дома ребенок ждет,— только и ответила Люба.

В автобусе ее затолкали. Так стиснули, что и билет взять не смогла. Хоть пятачок сберегла.

* * *

— Мне ведь теперь больше надеяться не на кого.— Люба повторяла это, когда рассказывала о том, что сама покрасила в квартире окна и двери, купила Володечке новую форму, быстрее всех в отделе управилась с работой.

Если заведующая столом заказов Алла Трофимовна просила: «Вы, девочки, на этот раз побыстрее. Я обещала, что к трем управимся»,— Люба ее заверяла:

— Я постараюсь. Я вас никогда не подведу. Я должна трудиться. Мне теперь больше надеяться не на кого.

Женщины в отделе горько поджимали губы и качали головами. Они жалели разбитую семью. И Алла Трофимовна жалела. Она уходила в свой кабинетик и, осторожно склонив на руки начесанную башенкой голову, грустила о том, что нет на свете прочной любви. Но долго мечтать на эту тему ей не давали. У дверей уже толкалось несколько человек. Одному хотелось заменить в стандартном наборе лапшу на макароны, другому срочно требовалось составить заказ для свадебного стола, третий был с запиской от лучшей подруги Аллы Трофимовны, в которой она просила устроить ее знакомому воблы и бутылку «Твиши».

А за отдел она могла быть спокойна. Девочки ее никогда не подводили. Особенно Антонина Васильевна и Люба. Обе служат здесь чуть не с первых дней открытия стола заказов, и когда они делают свое дело, то просто приятно смотреть.

Свертки так и летают у них в руках — брусок масла, пакет сахара, банка сайры — раз, раз, плотно, в секунду, пригоняется одно к одному, бумага точно сама сгибается, как надо, шпагат ложится крест-накрест — и готово!

Директор магазина Владлен Максимович и тот заворожился этой красивой работой. Минуты две он стоял в дверях и смотрел. Женщины его заметили, разом притихли. Только та, что находилась спиной к двери, все говорила и говорила:

— Добро бы молоденькая, а то женщина на возрасте, юбка до колен, а села и вовсе ляжки заголила. А в автобусе все самостоятельные мужчины и смотрят на этот кошмар. А я себе думаю: ну, мода, ну, мода...

Владлен Максимович возвышался над женщинами, как большой холодильник. Халаты ему крахмалили особо — с блеском. Его синие глаза, оглядев комнату, зацепили что-то стоящее внимания.

— Травма? — коротко спросил он, и все вокруг, проследив его взгляд, уставились на Любины пальцы, обмотанные белой тесемкой.

— Нет, нет,— радостно заверили директора женщины. А Люба с беличьей проворностью размотала тесемку и показала плоские пальцы.

— Ни мозольки, ни порезика... А как же... Надо приспособляться. Шпагат целый день руки жжет. У других волдыри не сходят... А мне ведь надеяться не на кого...

Он выслушал, коротко спросил:

— Фамилия? — И двинулся дальше по своим делам, а довольная Люба победно договаривала свое:

— Мне теперь свое здоровье беречь надо. Умру — мой ребенок никому не нужен будет.

Ах, если бы открыться директору Владлену Максимовичу, самостоятельному мужчине! В Любе жила уверенность, что кто-то могущественный, если захочет, поправит все в ее жизни. Раньше ей казалось, что это сможет сделать Антонина Васильевна, но после того воскресенья на бегах Антонина Васильевна потеряла в ее глазах вес и значительность.

С утра Люба и Антонина Васильевна готовили индивидуальные заказы. Товары больше чем на пятьсот рублей лежали горой на подсобном столе. Антонина Васильевна подбирала по списку: крупа, конфеты, два батона, мясо, творог... Люба в зависимости от величины заказа упаковывала его в бумагу или в коробку.

— Вот даже по заказу можно определить человека. Другой раз видишь — настоящая хозяйка составляла, а другой раз не поймешь, черт те что... Два кило гороху лущеного! На что такую прорву? Жуков только разводить...— сердилась Антонина Васильевна.

— А мы этого знать не можем, и не наше это дело.

У Любы было внутреннее желание сказать наперекор. Антонина Васильевна это почув-

И САМОЛЕТ И СЦЕНА

В Монреале на конкурсе стюардесс, в котором участвовали 15 крупнейших авиакомпаний мира, победительницей оказалась москвичка Лилия Стрюкова.

Я встретил ее не в авиационном подразделении, а у известной актрисы, бывшей солистки Большого театра Ларисы Ивановны Алемасовой: Лиля, фигурально выражаясь, шагнула на борт самолета прямо со сцены. Девочкой окончила хореографическое училище, потом занималась у Ларисы Ивановны в Народной певческой школе, с успехом сыграла несколько заглавных ролей в спектаклях.

— Жизнь сложилась так,— рассказывает Стрюкова,— что театральное образование мне приходилось все время сочетать с работой, не имеющей никакого отношения к сцене. На Киевском вокзале водила грузовой мотороллер, потом работала шофером грузовика.

— Как же вы стали стюардессой?

— Мне всегда хотелось летать. А тут узнала, что набирают учащихся в школу стюардесс, и поступила. Профессия эта мне очень понравилась.

— По каким показателям жюри Монреальского конкурса выставляло оценки?

— Никаких специальных испытаний не было, хотя жюри и было строгое. Просто за чашкой кофе смотрели, как девушки держатся, беседовали с нами на самые различные темы. Мне тут, конечно, во многом помогло хореографическое училище, сцена... А потом я первый раз в жизни давала интервью журналистам...

Лилия Павловна Стрюкова рассказывает о своих планах на ближайшее будущее. Ей хотелось бы летать на самолетах «ИЛ-62» по новой линии Москва — Нью-Йорк.

— А театру вы совсем изменили?

— О нет! Продолжаю заниматься в Народной певческой школе. Лариса Ивановна там проректор, а декан — народная артистка республики Мария Петровна Максакова. Сейчас занимается со мной Геннадий Геннадиевич Аден. Увлекаюсь и художественной гимнастикой, хореографией, акробатикой...

А. ГОЛИКОВ

ствовала и молча стала воевать с горой продуктов, подгоняя себя: «А ну я тебя сейчас уничтожу»... Такая у нее была тайная игра. И когда все уходили и уходили коробки, картонки, свертки, а потом оставалось продуктов точно по последнему списку, у нее появлялось чувство одержанной победы.

Но сегодня на столе лежал лишний брусочек масла. Маленький, всего двести граммов. Но это было настоящим поражением. Это значило, что в какой-то из десятков заказов недоложен этот кусочек. Человек, получивший заказ, недоищется его в своем свертке и станет звонить в магазин, черня всех работников торговли.

Антонина Васильевна собрала все копии заказов, в которых требовалось двести граммов масла. Их, по счастью, оказалось только десять. Пять в маленьких. Там ошибиться трудно. А вот большие, рублей в двадцать, где множество мелочей — и соль, и горчица, и минеральная вода...

— Проверять придется,— сказала Люба бесстрастным голосом. Такая она всегда тактичная, выдержанная.

Но Антонина Васильевна затосковала и сообразила, как выйти из положения. Она решила сунуть в каждый большой заказ еще по брусочку масла. Скорее всего люди найдут лишний предмет, сообразят, что произошла ошибка, и потом доплатят. Так что деньги, может быть, даже частично вернутся. А кто не заметит и не вернет, пес с ним. Все проще, чем ворошить десятки ящиков.

Но у Антонины Васильевны не было денег. Пять пакетов масла — три шестьдесят. А деньги все проиграны на бегах. До получки она могла продержаться на домашних припасах, есть кое-какая мелочь на метро и автобус. А настоящих денег нет.

Она сошла вниз, где в подсобных помещениях располагались кладовые стола заказов. В бакалее у Поли всегда можно было прихватить взаймы. Кому другому — нет, но Антонине Васильевне Поля доверяла до десяти рублей.

— Палочка-выручалочка моя, займи пять рэ.— Она сказала это с ходу, весело и только потом заметила, что Поля сидит нахохленная, смотрит в одну точку, и губы у нее дрожат.

— В винном отделе норма боя какая высокая, а у меня вовсе не положена...— Поля говорила, даже не взглянув в сторону Антонины Васильевны.— Наставят мне бутылок, а я отвечай. Уходила за лапшой, все целы были. Когда пришла — слышу, пахнет. И вот они лежат — обе вдребезги. А я отвечай!

В помещении плавал спиртной дух. Антонина Васильевна пыталась что-то сказать, но Поля утешений не слушала:

— Водка «Петровская», дорогая... Мне за нее больше двух дней работать. Хоть какую-нибудь норму боя дали бы.

Она наконец заплакала.

— Хватит тебе,— сказала Антонина Васильевна,— люди умирают, а из-за этого слезы лить, тьфу!

— Проплюешься, пожалуй,— сквозь рыдания огрызнулась Поля,— мне три дня задаром работать...

Все не ладилось. Антонина Васильевна поднялась к заведующей. Она знала, что Поля проревет до вечера, а с места не сдвинется.

Алла Трофимовна сперва плотно закрыла двери своего кабинета, чтобы посторонние не узнали про их внутренние дела, потом рассердилась:

— Норму боя ей, еще чего! У нее за целый месяц тысячи бутылок не бывает. Поаккуратней надо, вот что. Руки как крюки.

— Плачет,— сказала Антонина Васильевна.— Водка-то «Петровская».

— А что толку плакать? Москва слезам не верит.

В дверь постучали только для проформы, потому что тут же ее распахнули. Вошел директор.

— Как хотите, Владлен Максимович, нам нужна норма боя в бакалейном,— пропела Алла Трофимовна.— Мне уж теперь все равно, но я объективно скажу: нужна!

Она необычно кокетливо улыбалась и распахнула полы халата, показывая юбку джерси и коленки, обтянутые кружевными чулками.

А он совершенно ее не слушал и говорил свое, с чем пришел:

— Это, выходит, мы получаемся какая-то кузница кадров. То Мурзину из мясной гастрономии на заведование, теперь вас в министерство. А с кем я останусь?

— Так ведь я не по своей воле, Владлен Максимович, я как солдат — куда пошлют.

— Вы-то уйдете, а на ваше место кого назначить? Из своих кадров приказано выделить... Намечайте, пожалуйста, вы их лучше знаете.

— Ну, и ничего страшного, и наметим и выделим. Уж как-нибудь без дела не сидели, выращивали кадры.

Голос Аллы Трофимовны успокаивал, успокаивал, умиротворял.

— Вот хоть Антонину Васильевну выдвинем. Она на этой работе и Крым и Рим прошла.

Антонина Васильевна засмеялась и застеснялась.

— Ну что вы... Разве я одна...

— Одна из многих! — строго оборвала ее Алла Трофимовна.—У нас все кадры проверенные.

— Ну, мы это обсудим,— сказал Владлен Максимович.— Мы еще с людьми посоветуемся, кой с кем. Должность всячески ответственная.

Антонина Васильевна вышла взволнованная, как девушка, которой назначили свидание. До чего любила она перемены, переезды, неожиданности, а в ее жизни их было так мало! С самого рождения жила она на одной улице, в одном доме и до сих пор все чего-то ждала. Умом понимала, что ждать уже нечего, а в мечтах и воображении еще хорошо помнила, как миндально пахнут белые граммофончики сорной городской повилики, как саднят разбитые в счастливом беге коленки, каким сладостным предвкушением дня звучит на заре шарканье дворничьей метлы.

Новая должность была счастливой переменой, расширением границ жизни, неизведанным краем.

А Люба ворочала ящик за ящиком, развязывала, а то и резала неподатливый бумажный шпагат, перебирала свертки, снова собирала и снова, сжав губы, раздирала тугие узлы. Брусочек масла измялся, потерял свои геометрические формы и никак не находил пристанища.

Этот кусочек задерживал отправку всей партии. Шофер — развозчик заказов «загорал», притулившись к дверному косяку, а Люба страдала за чужую вину жертвенно, безропотно.

Антонина Васильевна пришла в ту секунду, когда заказ нашелся, и не большой, а как раз маленький, в котором и всего-то было пять предметов.

— Как с полем управилась,— облегченно вздохнула Люба.

Антонина Васильевна наскребла копеечки, сбегала в отдел мясной гастрономии и взяла сто граммов карбоната. Она знала, что Люба никогда не ходит в столовую. Подсобница Милочка принесла большой чайник кипятка, и женщины сели обедать.

Любу трудно было угостить.

— У меня свое есть. Куда же мне его девать?

Но она все же взяла тоненький кусок мяса и положила его на свой принесенный из дому ломтик хлеба.

— Ну, сюда хлеб носить, как дрова в лес возить,— засмеялась одна из женщин.

Люба сжала рот.

— Каждый по-своему живет. Я чужую копейку не возьму, а свою берегу. Там пятачок, там гривенник, а у меня ребенок растет.

Еще не кончили обедать, как снизу пришла Поля. Грузная, с заплаканным, опухшим лицом. Пришла и встала у стола. Женщины потеснились, налили ей большую кружку кипятка, щедро насыпали туда сухого чаю и сахарного песку. Поля чай выпила молча, так же молча поднялась, чтобы уйти, и только в последнюю минуту вспомнила, за чем приходила, разжала короткие пальцы и выложила из кулака перед Антониной Васильевной скрученную в трубочку пятерку.

— Просила ты...

— Ой, Поля, а мне до получки не займешь? — заверещала Милочка.

Поля и глазом не повела.

— А тебе — нет.

Милочка ничуть не обиделась.

— Конечно, Антонине Васильевне теперь каждый займет. Когда она в начальство выходит.

Милочка все новости узнавала первой. Была она маленькая, незаметная и по работе вхожа во все отделы и кабинеты.

Полностью Милочкиным новостям не верили. Она любила поражать сведениями и часто сообщала непроверенные сенсации.

— Девочки, дожили! Хлеб и сахар бесплатно будут!

А всего-то услышала, как Владлен Максимович сказал кому-то по телефону:

— Вот станем при коммунизме хлеб и сахар бесплатно отпускать, тогда у меня работники освободятся.

Поэтому Милочкино сообщение сперва пропустили мимо ушей. Только потом, неведомо как, оно подтвердилось, и скоро все знали, что Антонина Васильевна идет «на повышение».

Во второй половине дня в отдел, как всегда, с разбега ворвался Владлен Максимович, и за ним пришла неторопливая, но всегда всюду поспевающая Алла Трофимовна.

— Прошу внимания! — воззвал директор.

Но все уже и так бросили работу. Только одна Люба, очень стараясь не шуршать бумагой, продолжала паковать гречку с рыбными консервами.

— Мы к вам обращаемся за советом,— продолжал Владлен Максимович, опершись руками на оцинкованный стол.— Конечно, у нас есть и свое мнение по данному вопросу,— он оглянулся на Аллу Трофимовну, и она покивала головой,— но мы не боги саваофы, можем ошибиться, и нам ценно мнение общественности.

Женщины завздыхали.

— Наша уважаемая Алла Трофимовна покидает свой пост в связи с переходом на другую работу, а именно — в Министерство торговли.

Владлен Максимович сделал передышку, чтобы женщины выразили свое отношение к этому факту. Но долго проявлять чувства не дал. Сожалительные возгласы и поздравления прекратил поднятой рукой и громким голосом:

— Заменить Аллу Трофимовну на ее посту мы должны человеком, выдвинутым из наших рядов. В этом выражается доверие к нашему коллективу, и мы обязаны его оправдать. Поэтому кандидатуру надо подбирать, руководствуясь деловыми и моральными качествами. Принимая во внимание опыт и стаж работы.

Перенимая у него эстафету, выдвинулась вперед Алла Трофимовна.

— Имеются у нас кандидатуры — всем вам известная Антонина Васильевна и Люба Онина. Обе работают по десять лет, обе грамотные, знающие дело. Антонина Васильевна постарше, и общий стаж у нее выше. Теперь желательно, чтобы высказались товарищи по работе.

— Рассчитываем получить ваше «добро»! — добавил Владлен Максимович.

— Чего уж, ладно, мы согласны,— заговорили женщины, поглядывая на Антонину Васильевну, отчего она смущалась, невольно улыбалась и закрывала рукой рот.

Но Алла Трофимовна постучала карандашиком по столу, призывая к порядку. И все, привыкшие к этому порядку, приготовились ждать.

Выступила молодая работница Ниночка и рассказала, какая Антонина Васильевна чуткая и как она помогает начинающим.

Ее никто уже не слушал, потому что главный вопрос был решен. И когда Люба вдруг сказала: «И я хочу, разрешите мне»,— все стали кричать: «Хватит, довольно, вопрос ясный!» И сам Владлен Максимович уже отшатнулся от стола. Но Люба сказала твердо:

— Нет уж. Я должна, как человек принципиальный.

Тогда женщины замолчали, а Люба оглядела всех и втянула в себя воздух.

— А, это которая пальцы перевязывает,— одобрительно кивнул директор.

— Онина это,— пояснила Алла Трофимовна.

— Онина,— подтвердила Люба.— Я, знаете, привыкла в нашей жизни правду говорить. Может быть, вы не так подумаете, что я за себя стараюсь, так меня можете не назначать. Но я за правду стою. Хотя мы с Антониной Васильевной столько лет вместе работаем и я ее уважала, как мать, но я решилась...— Люба поджала губы и развела руками.— Решилась, ничего не поделаешь!

— Говори, Онина, для этого мы и собрались,— позволила Алла Трофимовна и оценивающе посмотрела на Любу.

«Поспешили мы, пожалуй,— подумала она.— Онину бы на мое место. Моложе, представительней, приоденется еще. Кабинет заведующей — витрина отдела».

— Вот тут сказали, что человек должен быть строго моральный. А вы,— Люба повернулась к Антонине Васильевне,— простите меня, конечно, какой пример можете показать нашему молодому поколению, когда каждый выходной играете в азартные игры? Азартный человек над собой не волен, это уже известно. Его на все можно толкнуть.

Женщины слушали молча. Они знали, что Антонина Васильевна играет на бегах, посмеивались над ее увлечением и, не веря, захваченно слушали ее рассказы о мифических выигрышах.

— Все мы, одинокие бабы, немного чокнутые: я — на кошках, Тося — на лошадках,— подытоживала Милочка.

Но сейчас в страстности Любиных слов была убеждающая сила, и женщины, сами того не замечая, кивали головами.

— Деньги свои трудовые она проигрывает, а потом занимает у людей. А когда человек занимает, у него авторитет уже не тот.

Неизвестно, как идет от человека к человеку ток одобрения или осуждения. Люба чувствовала, что попала в колею благоприятную. Ни словом, ни движением Алла Трофимовна не поощрила ее, но Люба успокоилась и излагала свои соображения, уже не волнуясь, но так же убежденно:

— Вот, по-моему, конечно, женщине, торговому работнику, не подобает в забегаловке у стойки вино пить. Не права я? — Она оглянулась, как бы ища поддержки.—Или в шашлычной сидеть. Ну, хотя бы знать с кем. Я про Антонину Васильевну ничего плохого не думаю, и на возрасте она, но если с чужим мужем пойти, кому это приятно? Жене его будет приятно? Ведь из-за этого могут аморальную тень на нас всех бросить. Вот это все мещанство надо Антонине Васильевне изжить. И я посчитала своим долгом сказать, потому что современный человек должен быть на высоте. Особенно на руководящем посту.

Она замолчала. В секундной тишине из задних рядов раздался басовитый Полин голос:

— У тебя, что ль, занимала? Не у тебя, ну и помалкивай.

Алла Трофимовна постукала карандашиком. Ей было свойственно находить выход из сложных положений. А тут, пожалуй, все складывалось к лучшему.

— Вот мы и выслушали суровую, но дружескую критику одной из кандидатур,— сказала она.

Владлен Максимович посмотрел на нее несколько удивленно, но промолчал.

— А теперь дадим слово самой Антонине Васильевне.

А Антонина Васильевна все еще, как на грех, улыбалась. Ей было трудно, невозможно изменить выражение лица. С этой улыбкой она стояла перед товарищами, понимая, что надо оправдываться, уже не для того, чтоб занять высокий пост, а хоть уберечь себя от их скверного мнения. Но все, что говорила Люба, было правдой, и Антонина Васильевна не могла собрать слова.

— Ну, что я не так сказала? — в тишине надсадно крикнула Люба.

— Все ты врешь,— опять издалека прогудела Поля.

А Антонина Васильевна вдруг поняла, что она не опровергнет ни одного Любиного слова.

— Значит, с критикой согласны?— спросила Алла Трофимовна.

И Антонина Васильевна ответила даже весело:

— Согласна... Только что же — бега? На них многие ходят... Интересно...

— А по-моему, в Большой театр интереснее,— сказала Алла Трофимовна.— Конечно, это — мое личное мнение и в порядке шутки,— добавила она.— Ну что ж, может быть, обсудим теперь вторую кандидатуру?

— А чего ее обсуждать,— сказала Поля,— она денег не занимает, по театрам не ходит...

— Я мать своего ребенка! — выкрикнула Люба.

— И кроме нее, в цельном свете ни у кого детей нет...

По столу застучал карандашик.

— Полина Ивановна, вы просите слова?

— Ничего я не прошу. Я свое сказала.

И никто больше не хотел ничего говорить. Все проголосовали за Любу, за Любовь Петровну Онину, за которой ничего худого не водилось, которую подлец муж бросил, которая ребенка одна воспитывает.

Антонина Васильевна в этот день работать больше не могла. Как-то руки у нее опустились и настроение пропало. Не то чтобы очень уж она стремилась к руководящей должности, но что-то поманило, блеснуло интересное и исчезло. И женщины вокруг понимали ее состояние, им было неловко, они даже разговаривали с ней шепотом:

— Нам бы тебя желательней, да видишь, вот как...

И она смущалась, отвечала:

— Ну почему же? Все правильно.

И чтоб не видеть сочувственных взглядов, пошла в «Гастроном» из отдела в отдел, без всякой цели, посмотреть на людей. А был час «пик», когда все спешат с работы и забегают в магазин купить чего-нибудь вкусного к чаю, или мяса на завтрашний обед, или бутылочку. В кассах и у отделов стояли большие очереди, все люстры горели, и желтые ливанские яблоки высились пирамидами.

«К Зинке, что ли, съездить? — подумала Антонина Васильевна.— Яблочек Коле взять бы».

Она потужила, что нет денег, безнадежно сунула руку в карман халата и обнаружила давешнюю Полину пятерку.

И тут стало радостно, что за яблоками ей не надо стоять в очереди, что в воскресенье она опять пойдет на бега, и пусть у нее такой характер, что не может она жить без удовольствий. И на кой шут ей эта должность, где надо себя корежить!

Она пошла вниз, отобрала кило самых лучших яблок, взяла двести граммов «Мишек» и мармеладу для Зинки.

Поля стояла в дверях своего отдела. Антонине Васильевне не хотелось, чтоб Поля ее пожалела. Она первая сказала:

— Ну что, успокоилась?

— Скинулись,— удовлетворенно кивнула Поля,— на троих. Алка, Максимыч да я. Все не одной отдуваться.

Так и день прошел. И все уже было ничего, все понемногу забывалось. Только когда надевали шубы и сапожки, Любовь Петровна сказала громко:

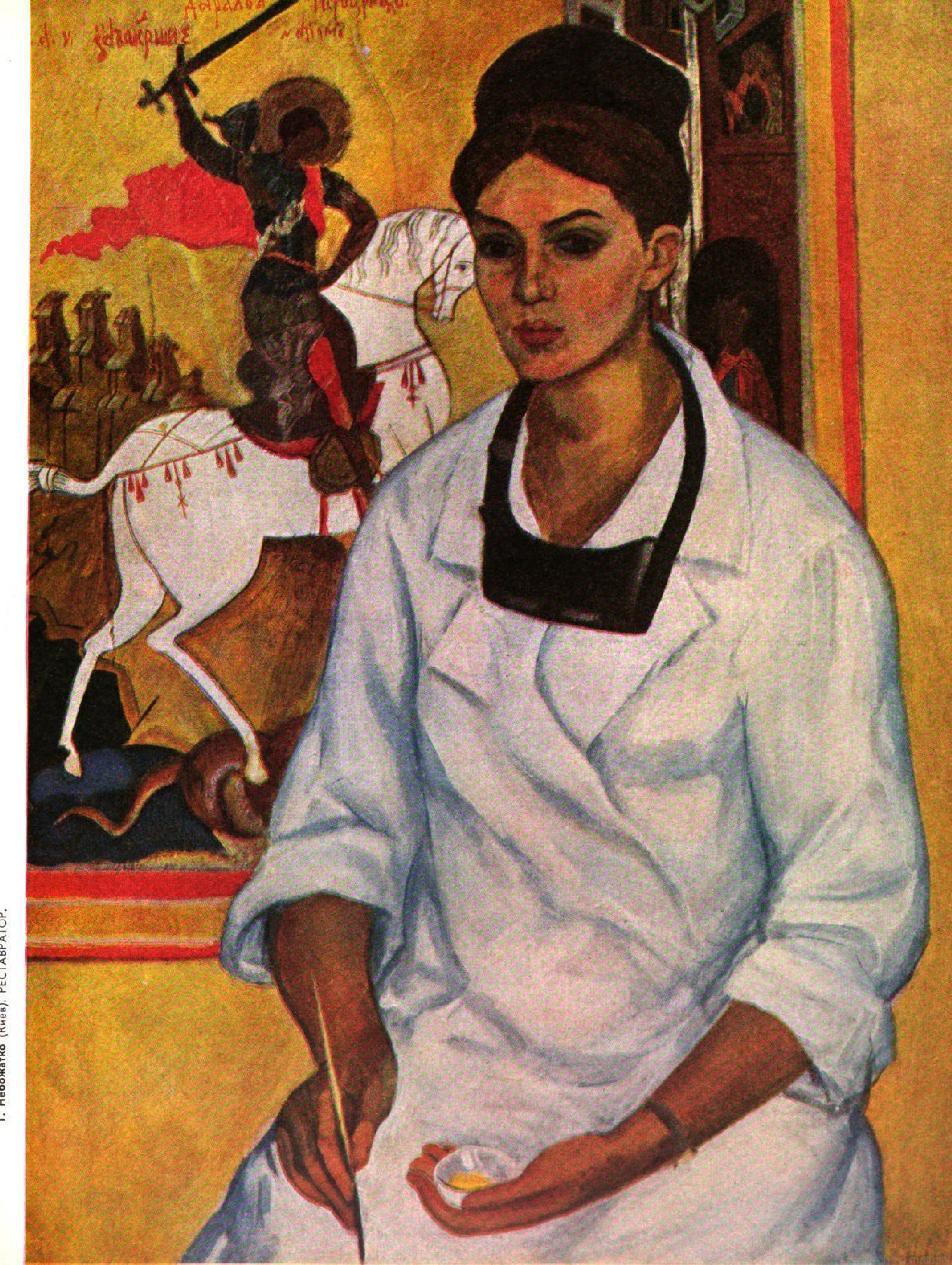
— Вы на меня не сердитесь, Антонина Васильевна. Я ведь по-простому, от души. Я искренний человек.

А она не сердилась. Не хотелось только еще что-то выслушивать и на что-то отвечать.

На улице Антонину Васильевну охватило вечерним морозом, перед глазами поплыли красные и зеленые огни машин, заскрипел под ногами снег, и она больше совсем не тужила о прошедшем дне, где все сделалось, как надо. Она радовалась, что увидит Кольку, маленького, с гибкими птичьими ребрышками и серыми отцовскими глазами.

И еще по привычке мысленно корила своего покойного мужа за то, что бросил он ее ради нескладной, неумелой Зинки, которая и ребенка не может вырастить, если ей не помочь.

А снег падал крупными хлопьями, и пахло, как в молодые дни, свежими огурцами и бензином.

Г. Небожатко (Киев). РЕСТАВРАТОР.

Р. Чарыев (Ташкент). ШЕЛКОВОЕ СЮЗАНЕ.

Л. Решетникова (Москва). ЯРМАРКА.

Настоящие...

Сцена открыта. На ней скромная декорация: березовая роща и гладкий светлый задник. Партер освещен. Кажется, что спектакль кончился, а занавес просто забыли задернуть. Все буднично и даже вроде не театрально. Наконец свет приглушается; на темной сцене появляются женщины — кто в ватнике, кто в телогрейке, кто в пиджачишке... И у вас мелькает мысль: «Ну. какие же это мадонны?!»

А женщины начинают повязывать свои платки: медленно, аккуратно, основательно. Суровые, настороженные, будто все на одно лицо. Потом вглядываетесь: какие разные! Сколько характеров — даже в этих скупых движениях... Так начинается спектакль «Суджанские мадонны» по пьесе Ю. Нагибина и Ц. Солодаря в Театре имени Ленинского комсомола, поставленный режиссером С. Штейном.

В спектакле занято больше тридцати человек. Что ни образ — законченный тип! Старую Комариху играет Л. Рюмина — кругленькая, с пухлыми руками и с мудрым лицом; ходит она по-деревенски — степенно. А какую смешную, вертлявую девчонку Химку Носкову, наивно бойкую завлекательницу, показывает Н. Гошева!

Как хороша Настя, сыгранная А. Сидоркиной,— целомудренная, сильная, очень чистая. Мы верим каждому ее слову, как, впрочем, верим каждому актеру, занятому в спектакле... Сначала здесь как-то трудно выделить главную героиню; кажется, что пьеса «обо всех». Но действие развивается; годы оккупации сменяются первыми годами освобождения. Возвращаются с фронта мужчины. И постепенно на первый план все отчетливее выдвигается судьба Надежды Петровны Крыченковой, вдовы партизана, умершего от тяжелых ран, осиротевшей матери: сын ее казнен фашистами...

И свое-то горе у Надежды Петровны не зажило, да и чужого — хоть отбавляй!

Особенно же горько ей стало, когда мужики в другие избы возвратились. Но бабы — какие же они оказались чуткие, дружные, сердечные!.. В этом душевном богатстве смысл спектакля, которому горячо аплодирует публика!

...И все же жизнь оказывается богаче пьесы!

На премьере «Суджанских мадонн» смотрела на сцену, плакала и смеялась вместе со всеми зрителями Татьяна Петровна Дьяченко, переживая дела двадцатилетней давности. Немолодая эта женщина — живой прообраз Надежды Петровны в пьесе и спектакле. За два часа, прожитых вместе с «бабьим царством», зрители полюбили ее и привязались к ней. Держится она открыто, доверчиво.

— Это же, товарищи, все сущая правда! — говорит Татьяна Петровна.— Это все из жизни взято! И если начать о жизни рассказывать,— так не на два часа, а на две недели хватит! Вот так все и было у нас, в селе Черкасская Конопелька, Суджанского района, в нашем колхозе «Красное знамя»...

Юрий Нагибин, присутствующий здесь же, на премьере, добавляет:

— Около недели пробыл я в 1946 году в колхозе. Куда Татьяна Петровна — туда и я! Она в четыре утра на птичник, я за ней. Она в поле — и я в поле... Очень взволновала она меня своим человеческим обликом: убежденностью, цельностью, честностью. На таких, как она, колхозный строй держится!

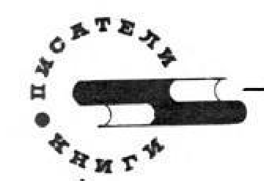
...Под конец и мне удалось побеседовать с Татьяной Петровной. Речь ее пересыпана украинскими и русскими словами; какое точнее, то и всплывает. «Жила да работала... Не думала, конечно, что себя на сцене увижу. А не скрою — радостно посмотреть! И не на себя гляжу,— на всех! И все, до одной, настоящие!..»

Г. СМЕТАНИНА

Актриса Зоя Алексеевна Кузнецова (слева) в роли Надежды Петровны. Рядом с ней Татьяна Петровна Дьяченко из села Черкасская Конопелька, о людях которого рассказывает спектакль.

Фото А. Гостева.

Плод откровения

Мне очень по душе талант поэта Сергея Смирнова: жизнелюбие, целеустремленность, ясность позиций делают его политически цельным, а умелое, тонко дозированное соединение лиризма с иронией на редкость обаятельным.

Подтверждением сказанного является новая большая работа Сергея Смирнова — поэма «Свидетельствую сам», опубликованная в журнале «Москва».

Собственно говоря, я не знаю, поэма ли это, но, судя по ее насыщенности событиями и обилию исторических фактов, вероятно, так и есть. Я внимательно, с интересом и неподдельным волнением прочитал повествование «Свидетельствую сам» и назвал бы его не поэмой, а скорее лирическим монологом.

Итак, лирический монолог? Как ни называй написанное Сергеем Смирновым, как ни определяй жанр, которым поэт воспользовался,— ясно одно: впечатляет и запоминается!

Запоминается с самых начальных строф, из которых, как из радужного словесного ларца, щедрыми пригоршнями сыплются подробные сведения о лирическом герое:

Я рожден не в ярославском
хлебе,
А в Тавриде,
стало быть в Крыму.
Это там немецкий крейсер
«Гебен»
Вел огонь по детству моему.

Так эпически спокойно, с достоинством и полной откровенностью берет свои истоки взволнованный рассказ Сергея Смирнова о времени и о себе. Из него мы узнаем, что паренек, родившийся на крымской земле, попадает на Волгу, в среду «бедняцкой ребятни», приобщается к нелегкой деревенской жизни, затем в городке «районного масштаба» заканчивает «девятигодичный курс наук» и, обуреваемый мечтой о больших просторах, «с легким чемоданом» отправляется в Москву. Как она, шумная столица, не верящая слезам, встретит безвестного, самонадеянного паренька, рискнувшего испытать судьбу?

Ведь, кроме безвестности и бесприютности, паренек еще и не блещет здоровьем, он перенес тяжкую болезнь в детстве, и она продиктовала в воинском билете горькую пропись «Не годен», ограничила возможности трудоустройства.

И вот тут-то, на крутом перевале рассказа, завязывается яростный узел сюжета — начинается стоическая, гордая борьба за обыкновенное земное право «быть, как все», крупно проявляется характер, способный взять «судьбу за ворот», одолеть неодолимое.

Искренно, убедительно, по-человечески верно звучат строки о метростроевце-бригадире Куприне, подвергшем непроворного на вид новичка тяжелому трудовому испытанию:

Он вздохнул протяжно и
глубоко,
Не сводя с меня настырных
глаз,
А затем изрек, не без намека:
— Ну, орел,
покажем высший класс!
Это было вызовом,
а вызов
Мне поранил душу, как запал.
Задыхаясь в недрах темно-
сизых,
Я копал, копал и вновь копал.
Про себя твердил:
мол, нате, гады!
Весь промок от пота и воды.
И Куприн — державный
гвоздь бригады —
Записал меня в свои ряды.

И далее в повествовании всюду — и в напряженной сцене робкого свидания с избранницей, покоренной отчаянным поступком смелого ныряльщика, и в длительном путешествии пешком по дорогам, пройденным когда-то молодым Горьким, и в бесконечных изнуряющих мытарствах по тыловым инстанциям в хлопотах об отправке на фронт, и в боевой обстановке действующей армии, и, наконец, в послевоенных разъездах по стране — всюду главный герой лирического монолога показывает цельность активной натуры, страстность, патриотизм, волю к жизни.

Интересное, не похожее ни на какие другие произведение создал Сергей Смирнов, проявив себя снова ищущим, беспокойным художником. Безбоязненное, решительное использование автобиографии, хронологии и фактографии не сделало стихотворный рассказ статичным, напротив, придало ему состояние свободного полета, полную независимость стиля, раскованность мысли.

Органично, естественно звучат заключительные строфы, выражающие политическое и поэтическое кредо Сергея Смирнова, человека открытого и прямого:

Не хочу ни дома, ни в походе
Знать, что значит слабость и
хандра.
И, назло давнишнему —
«Не годен» —
Выдаю свой нóров на-горá:
Если путешествовать —
то пешим.
Если петь — про наши
времена.
Если пить (и в этом
не безгрешен),
То уж предпочтительно —
до дна.

«Свидетельствую сам» — убедительное свидетельство глубокой любви поэта к Советской Родине, к ее полноводной могучей Волге, к ее раздольным колхозным полям, к ее дремучим лесам и бурным морям, к ее трудолюбивому, героическому народу, способному творить чудеса во имя ленинской правды.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Сергей Смирнов. Свидетельствую сам. Журнал «Москва» № 10, 1967.

ОЩУПЬЮ В ПОЛДЕНЬ

Аркадий ВАЙНЕР,

Георгий ВАЙНЕР

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 7—9

В девять вечера пришел Савельев.

— Ничего,— флегматично сказал он.— Я — на остановку, тут как раз и автобус демидовский подъехал. Переглянулись мы с шофером — и гуд бай.

Савельев моргал рыжими ресницами.

— Посмотрел еще несколько автобусов — и сюда. Ошибся шофер, наверное.

— Это почему же?

— Потому что, уж если б тот парень здесь ездил, так ездил бы. А то появился и исчез. Так не бывает.

— Логика железная,— засмеялся Стас.— Ну, ладно. Я буду домой собираться, да и ты иди отдохни. Завтра к десяти приезжай ко мне...

Его перебил звонок телефона. Савельев поглядел на телефон с опаской: какие еще новости в десятом часу?

По отдельным репликам Тихонова и его уничтожающему взгляду Савельев понял, что новости имеют к нему самое непосредственное отношение.

— Пошли к Шарапову,— сказал Тихонов, положив трубку.

— Кто звонил-то? — спросил Савельев.

— А то ты не понял! — зло рявкнул Стас. Презрительно протянул: — Так не быва-а-ет... Сейчас нам с тобой объяснят, как «бывает», теоретик!

Шарапов сидит нахохлившись, на желтом пергаментном лице резко обозначились морщины. Он греет ладони о свой фужер с черным кофе, смотрит куда-то вбок. Тихонов тоже уставился в пол.

— Да-а, дела...— говорит Шарапов.— Как же это ты, Тихонов? — Ответа он, видно, не ждет, понимает, что отвечать тут нечего.

— Значит, говоришь, подъезжает Демидов к Самотеке, а впереди Гавриленки автобус? А?

— Гавриленки,— сумрачно подтверждает Стас.— У светофора перед строящейся эстакадой задержался.

— Ну и...?

— Ну и выскочил из этого автобуса Длинный, сел на один рейс раньше, наверное. Демидов его сразу узнал, а что поделаешь?

— А ты-то где же был?

Стас зло глянул на Савельева, сидевшего с невинным и даже чуть сонным видом на диване.

— Да вот, как на грех, закрутился здесь с экспертами...

Савельеву стало неловко. Он тряхнул ярко-рыжим чубом:

— Я за ним выходил, товарищ подполковник. К демидовскому автобусу. Кто ж его знал, что он к Гавриленко сядет?

— А-а,— протянул Шарапов.— Значит, не сдержал он обещания-то?

— Какого обещания? — опешил Савельев.

— Ездить только рейсом 20-37...

Савельев покраснел тяжело, пятнами. Лучше уж помолчать. Стас что-то шептал себе под нос, загибал пальцы, потом вдруг сказал:

— Никуда он не денется. Сегодня не взяли — завтра возьмем. Раз он тут крутится...

— Да-а? Завтра возьмем, говоришь? — протянул Шарапов.— А может, через недельку возьмем? — Неожиданно разозлился: — Адресочек знаете?

— Какой? — спросили разом Тихонов и Савельев.

— Гарнизонной гауптвахты.

— Я, между прочим, недельку там с удовольствием отдохнул бы,— едко сказал Стас.

— Правильно, молодец. Сделал дело — отдыхай смело.

— Ладно, хватит. Сказал, возьмем,— значит, все.

— Ну-ну,— покачал головой Шарапов.

В кабинет заглянул дежурный.

— Тихонов здесь, Владимир Иваныч? Ему телефонограмма из Ленинграда.

Стас поднялся с дивана, подошел к дежурному, взял листок. Прочитал.

— Панкова действительно была в Ленинграде,— с удивлением сказал он.— Из ЛУРа сообщают, что мать ее хронически больна. Только что Панкова выехала московским поездом...

Шарапов подумал. Сказал:

— Встретишь ее на вокзале. Привезешь сюда.— Помолчал, потом, растягивая слова, добавил: — Я думаю, она много чего рассказать может. В лоб не начинай, о жизни побеседуй... Длинного завтра найди...

— Ну...

— Без «ну». Найди — и точка.

6

Тихонов еще раз внимательно перечитал телефонограмму, посмотрел в темное заиндевелое окно.

— У нас с тобой, Савельев, есть еще около девяти часов — надо успеть.

— Чего успеть?

— Найти Длинного.

— Ты что, шутишь?

— Самое время. У тебя дома телефон есть?

— Нет. А что?

— Тогда звони к себе в отделение, скажи, чтоб к жене кого-нибудь послали — предупредить. Дома только завтра будешь,— сказал Стас, достал из стола чистую бумагу и стал писать что-то в столбик. Потом поднял голову, задумчиво посмотрел на Савельева. Оперативник дремал на стуле. Почувствовав взгляд Тихонова, встряхнулся, зябко поежился.

— Стас! А, Стас! Есть очень хочется...

— Сочувствую. Мне тоже.

— Идем вниз, в буфет. Работать после будет легче.

Тихонов взглянул на часы.

— Двадцать минут одиннадцатого. Уже закрыто. Теперь буфет по ночам не работает.

— Чего так? — спросил недовольно Савельев.

— Наверное, в связи с сокращением преступности,— пожал плечами Стас.— А есть действительно убийственно хочется. Представляешь, сейчас бы шашлычок по-карски? А? И бутылочку-другую «Телиани»?

— Ой, не мучь!

Тихонов пошарил в карманах, нашел рубль, пригоршню мелочи.

— Давай, Савельев: шапку в руки — и беги в «Гастроном» на улицу Горького. Там до одиннадцати. Колбаски любительской возьми и булок. За полчаса обернешься. А я пока чай смастерю и подготовлю фронт работы.

Савельеву не очень-то хотелось выходить сейчас на мороз, но перспектива просидеть голодным всю ночь тоже не слишком грела...

Тихонов допил чай, стряхнул крошки и колбасные шкурки в пустой пакет, ловко бросил его через всю комнату в корзину.

— В баскетбол играешь? — благодушно спросил Савельев. Он блаженствовал, даже чуб потерял обычный, возмущенный медный блеск.

— Хватит, тунеядец, тешить плоть. Ты еще свой ужин не отработал. Не хлебом единым жив оперативник! — сказал Тихонов.

— Конечно, не хлебом,— буркнул Савельев,— за работу в твоей бригаде молоко надо получать: вредное производство.

— Садись, старик, рядом и, как говорят в Одессе, слушай сюда. Здесь список лиц и учреждений. Я разделил его поровну. Бери телефон и начинай...

Заканчивался пятый день поиска.

СУББОТА

1

Тусклый зимний рассвет вползал в окно неслышно, мягко, как кошка. Тихонов нажал кнопку, настольная лампа погасла, и знакомые очертания предметов, потеряв свою четкость, расплылись в голубом сумраке кабинета. Веки были тяжелые, будто налитые ртутью, а голова — огромная и звенящая, как туго надутый аэростат.

Посапывал Савельев. Он устроился на четырех стульях у стены, подложив шинель Тихонова и накрывшись своим стареньким пальто какого-то невероятного розового цвета.

Стас встал, потянулся, потер кулаками глаза и медленно, вязко, как о чем-то постороннем, подумал, что сегодня, наверное, все кончится и тогда можно будет спать, спать, спать. Он подошел к Савельеву, легко потряс его за плечо.

— Вставай, вставай, старик! Уже четверть девятого...

Савельев резко дернулся, не открывая глаз, сунул руку под голову, под шинель, наткнулся на спинку стула и проснулся. Он сел, улыбаясь, все еще с закрытыми глазами, сказал:

— Сон хороший снился...

На его бледном лице затекли от сна складки, набрякли глаза.

Приглаживая руками алую шевелюру, спросил:

— Стас, у тебя зеркала нет? Видок, наверное, тот еще!

— Ты ангорского кролика видел? Сходство сейчас замечательное.

— Он же белый, по-моему? — недоверчиво протянул Савельев.

— Цвет и выражение глаз одинаковые.

— У тебя, между прочим, сходство с киноактером Тихоновым сейчас тоже минимальное,— ехидно заметил Савельев.— Слушай, Стас, а сколько я проспал?

— Часа полтора верных. Ну, все, старик, поехали. Поезд приходит в 9.10, значит, в полдесятого я здесь, а ты бери его и прямо сюда...

Панкова сказала:

— Учтите, что в двенадцать у меня репетиция.

— Собственно, длительность нашего разговора зависит от вас. Мне-то всего два-три вопроса надо задать.

«Красивая женщина,— подумал Стас.— Хотя времечко уже и начало точить эту красоту. Хорошо держится».

— Итак, приступим к делу. Расскажите, пожалуйста, что вам известно о взаимоотношениях в семье Ставицких?

— Ах, как трудно говорить с посторонними об интимной жизни своих близких!

— Ничего страшного, Зинаида Федоровна,— успокоил Стас.— В милиции, в исповедальне и у доктора интимные стороны жизни охраняются профессиональной скромностью собеседника. Так я вас слушаю.

— С Алешенькой Буковой мы дружим уже лет пятнадцать...

— Вы имеете в виду Елену Николаевну?

— Да, конечно. Мы все ее так называем...

Панкова говорила страстно, похрустывая длинными, красивыми пальцами:

— Тяжкая драма. Развалилось окончательно это теплое, доброе человеческое гнездо, созданное тонким интеллектом Буковой и высоким артистизмом Ставицкого. А Алешенька еще надеется...

Высокая, еще стройная, в изящном костюме «джерси», она время от времени вставала и нервно ходила по кабинету. «Ишь, затянулась,— смотрел на нее Тихонов.— Мне только б в режиссеры — сразу на третью категорию обратно бы перевел...»

— Простите, а чем вы объясняете уход Ставицкого от жены?

— М-м, точно я не могу этого утверждать, но чем вас, интересных женатых мужчин, можно скорее всего совратить с пути истинного? — кокетливо сказала она.— Как говорят французы: «Шерше ля фам».

— Я только интересный, но неженатый,— сказал Тихонов, напряжённо думая о чем-то.

— Ну, тогда у вас еще все впереди,— заверила Панкова.

— А вы не знаете, где надо искать эту женщину? — спросил Стас.
— Право, затрудняюсь вам сказать. Это ведь только мои догадки.
— И Букова тоже не знает?
— Скорее всего нет. Она бы мне сказала.
— Прекрасно. У меня будет к вам просьба: напишите мне обо всем этом. Можно покороче. Раз в шесть.
Звонок. Стас рванул трубку.
— Тихонов. Да, да, слушаю. Савельев. Куда? На работу? Совместительство? Давай туда. Жду. Удачи, старик.

Панкова за соседним столиком быстро писала объяснение. Тихонов подошел к окну. По заснеженной Петровке сновали троллейбусы, женщина несла перед собой, как щит, новый латунный таз, лениво протащила свой возок мороженщица. Тихонов негромко барабанил пальцами по стеклу, напевая под нос:

А на нейтральной полосе цветы
Необычайной красоты...

Прошло утреннее оцепенение, его уже сотрясал азарт охотника, идущего по верному следу. Все, сеть заброшена...
— Все, я написала.
Стас подошел к столу, взял у Панковой объяснение, прочитал. Довольно улыбнулся, положил листок в стол.
— Вот видите, наша беседа заняла меньше часа. Давайте я вам отмечу пропуск на выход.
— Прекрасно, я как раз успеваю в театр.
Тихонов поставил на пропуске свою смешную, немного детскую подпись и потянулся к тумбочке за штампом. Достал, подышал на него. Панкова встала. Стас еще раз дыхнул на штамп и отложил его в сторону.
— Простите, Зинаида Федоровна, я забыл вам задать еще один вопрос.
— Пожалуйста.
Стас тихо сказал:
— Вы зачем писали письма с угрозами Тане Аксеновой?
Панкова бледнела стремительно, кровь отливала от лица, как будто сердце ее остановилось.
— Какие п-письма? Я вообще не люблю писать письма. И я не знаю никакой Аксеновой.
— Не знаете? Но это же вы предложили «шерше ля фам».
— Боже мой, если вы говорите об истории со Ставицким, то я не имею к этому никакого отношения.
— Вот что, Зинаида Федоровна, если вы хотите успеть на репетицию, то давайте не будем транжирить наше время. Хотя боюсь, что на репетицию вы сегодня все равно не попадете. А роль благородной подруги из вашей пьесы вам придется репетировать здесь, со мной.
— Не запугивайте меня! — крикнула Панкова, и из глаз ее брызнули слезы.— Театральная общественность столицы не допустит!.. Вы еще молоды...
— Чего не допустит театральная общественность? Моей молодости? — спросил вежливо Тихонов.— Наоборот, она ее скорее будет приветствовать. Так, знаете ли, интересные...
— Вы мальчишка,— сказала Панкова, и лицо ее теперь покрылось красными пятнами.
Стас покачал головой:
— Как жаль, что вы не в магазине. Там хоть висят плакаты: «Будьте взаимно вежливы!» Тем более что я еще не понимаю причины вашего гнева и испуга.
— Вы меня напрасно пытаетесь впутать в эту неприглядную историю! Сейчас не бериевские времена! — кричала Панкова.
— Ну-ка, тише,— вдруг резко сказал Стас, и Панкова сразу смолкла...— Насчет времен вы правильно сказали. А в скверную историю вы себя впутали сами.
Он открыл ящик и разложил на столе четыре листа бумаги.
— Вот ваша автобиография из театра. Вот жировка из вашей квартиры. Вот объяснение, которое вы сейчас написали. А вот это,— он поднес листок к глазам Панковой,— письмо Татьяне Аксеновой.
— Я ничего не понимаю,— сказала растерянно Панкова.
— Понимать нечего. Не надо быть почерковедом, чтобы увидеть: все бумаги написаны одной рукой.
— И что?
— А то, что это письмо найдено в сумке убитой Татьяны Аксеновой.
— Убитой? — с ужасом переспросила Панкова.
— Да-да, убитой. За три часа до того, как вы поспешно убыли в Ленинград.
— Но клянусь вам, это случайность! Ужасное, роковое совпадение! Я действительно писала ей письмо, но ничего подобного и в мыслях не имела.— Панкова зарыдала по-настоящему. Стас налил ей в стакан воды. У Панковой тряслись руки, и вода текла некрасивой струйкой по подбородку, рассыпалась темными каплями по платью. Она затравленно, не отрываясь, смотрела Стасу прямо в глаза. Тихонов отвернулся к окну. За стеклом летели сухие снежинки, в полдень было так же сумрачно, как и на рассвете.
Панкова плакала. Стас, прислушиваясь к ее всхлипываниям, вспомнил, как сидела окаменевшая мать Тани, приговаривала все время: «Донюшка моя, доня...» И подумал с ожесточением: «Плачь, стерва, плачь. Не жаль мне тебя. Таня, когда умирала, не плакала...»
Тихонов сел за стол, собрал бумаги, положил в ящик.
— Вы успокоились? Давайте продолжим. Но учтите: если вы будете снова врать, то уже сами, как вы писали Тане, «поставите себя в весьма опасное положение».
Панкова кивнула.
— Но зачем вы так грубо со мной говорите? Вы же воспитанный человек...
— А вы бы хотели, чтобы я вас называл «мадемуазель» и шаркал ножкой? Это уж увольте! Вы что-то не очень раздумывали об этике, когда писали Аксеновой письмо с весьма прозрачными угрозами. А человек этот убит. Так что обойдемся без реверансов. Нам нужна правда. Намерены вы говорить только правду?
Панкова снова кивнула. Лицо ее стало некрасивым, обвисшим, с множеством мелких, суетных морщинок.
— Зачем вы написали письмо?
— Лена была так несчастна! И она надеялась, что если эта женщина оставит Костю в покое, он вернется домой.
— Вы снова говорите неправду.
— Почему?
— Это... это...— Стас вспомнил фразу из блокнота Тани Аксеновой.— Это одеяло лжи из лоскутов правды. Вы же прекрасно знаете, что Таня была не в курсе семейных дел Ставицкого. И специально информировали ее письмом. После этого Таня указала Ставицкому на дверь. Поэтому говорить о том, чтобы она «оставила его в покое», нелепо. Правильно?
— Ну, значит, я оговорилась. Это же непринципиально.
— Нет, принципиально. Потому что вы рассчитывали так: получив письмо с угрозами, Таня испугается и заставит Ставицкого вернуться к Буковой. Так?
— Ах, может быть, и так! Но ведь, ей-богу, я действовала из лучших соображений. Я хотела восстановить семью. Кто мог знать, что...
— Что? Кончится убийством?
— Я не имею к этому никакого отношения! Ведь это так страшно — убить человека...
— Боюсь, что вы не очень хорошо представляете, как это страшно — убить человека. Вы мне лучше скажите, кто мог совершить это убийство в интересах Буковой.
— Клянусь, я не знаю!..
— Ладно, допустим. У Буковой есть сейчас мужчина, как это называется, поклонник, который готов ради нее на все?
Мгновение подумав, Панкова ответила:
— Да, есть.— Сразу заторопилась: — Но я его видела всего несколько раз.
— А что, Букова его скрывает?
— Нет, но он просто не понравился.
— Подробнее!
— Ну, у него какие-то скверные манеры, очень разухабистые. Вообще он какой-то отчаянный. И... нетрезвый.
— Как он выглядит?
— Высокий, по-моему, шатен, худощавый...
— Как зовут его? — Тихонов задержал дыхание.
— Ника. По-моему, Ника. Или Кока...
— Его зовут Никита Казанцев? — спросил спокойно Стас.
— Наверное,— обрадовалась Панкова.— Полного имени я не знаю, но, кажется, его так и звали — Ника.
— Посидите здесь. Я скоро приду.— Тихонов подергал ручку сейфа и вышел.

2

— Через полчасика, Владимир Иваныч, сможешь побеседовать с Никитой Казанцевым, проходившим у нас под условной кличкой «Длинный». Савельев поехал за ним.
Шарапов поднял глаза от бумаг.
— Но-о! Нашел-таки? Ну, хвались, сынок, подвигами. Как вышел?
— Я его вычислил.
— Чего-о?!
— Вычислил, говорю. Как Леверье планету Нептун — на кончике телефонного диска!
— Ну-ка, ну-ка...
— Вот смотри. Эта идея сформировалась у меня окончательно вчера, когда я ушел от тебя. Интервал между автобусами — одиннадцать минут. Как же Демидов смог догнать Гавриленко на середине маршрута? Позвонил в парк. Оказывается, Гавриленко на семь минут опоздал к владыкинской остановке. Застрял у Самотеки, там эстакада строится. Тогда меня озарило: Длинный появляется на остановке три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам, ровно в полдевятого, что, вероятнее всего, связано со сменами на работе. Надо было угадать самое главное: куда он ездит из Владыкина — домой или на службу? Подумал и решил: домой. Вот почему: во-первых, в пользу этого говорит само время его поездок. Вечерние смены везде обычно начинаются от пятнадцати до семнадцати часов,— значит, поздно. А ночные — от двадцати двух до двадцати четырех часов,— значит, рано. Во-вторых, я сделал допущение, скорее социологическое.
Шарапов усмехнулся.
— Не смейся, не смейся,— сказал Стас.— Женщины обычно ездят на работу очень точно, а возвращаясь, имеют в графике своего движения отклонения в среднем около часа. Это связано с хозяйственными заботами. Мужчины, наоборот, имеют в дороге на работу отклонения до пятнадцати — двадцати минут, а уходят довольно точно. Поэтому я решил, что он ездит домой.
Отсюда у меня пошел следующий этап. Парень должен работать где-то близко. В этом я не сомневался. Сначала я допустил, что он приезжает сюда на каком-то другом транспорте и делает пересадку. Однако этот вариант я отбросил. Объясняю. Приехать во Владыкино он мог только на восемьдесят третьем автобусе, идущем от Сокола, и электричкой Савеловской железной дороги. Автобус не годится: парень едет к цирку, а туда проще добраться этим же маршрутом по Лихоборскому шоссе.
— А электричка? — спросил Шарапов.
— Не годится,— покачал головой Стас.— Станция Окружная там действительно недалеко. Но зато от станции к остановке идти проще и ближе по тротуару, чем по пустырю. Кроме того, в этом промежутке времени только две электрички останавливаются на Окружной — 8.10 и 8.31. Если бы он приезжал в 8.10, то уезжал бы на автобусе в 8.26, а если в 8.31, то раньше, чем на автобус в 8.48, никак не попадал бы. А он-то ведь в 8.37 ездит! Значит, ясно: работает он где-то близко.
— Резонно,— кивнул головой Шарапов.
— Так где же это «близко»? Место убийства практически совпадает с остановкой автобуса. Я решил сделать первую прикидку: на карте района провел циркулем круг с центром в месте убийства. Длинный шел к остановке по пустырю с северо-запада. Поэтому половину круга в юго-восточном направлении я заштриховал сразу. Остался сектор, образованный Сусоколовским шоссе, железнодорожной линией и оградой Ботанического сада. Из-за линии он прийти не мог: полотно проходит по высокой обледенелой насыпи, на которую с той стороны и не вскарабкаешься. Выйти из Ботанического сада он тоже не должен был: там у ворот, на полкилометра ближе, есть остановка. Вывод: Длинный шел из глубины владыкинского жилого массива. С работы, заметьте себе, товарищ Шарапов!
— Ну-ну-ну,— заинтересованно сказал Шарапов.
— Вот тут и встала проблема: где же он может работать? И начали мы с Савельевым подбивать бабки. В намеченном для розыска районе имеются такие предприятия: завод, фабрика, комбинат бытового обслуживания, столовая, шашлычная, один жэк и две гостиницы — «Байкал» и «Заря».
Начали с завода металлоизделий. При этом не забудь, старик, что Длинный ходит с работы через день в 20.30. На заводе — ноль. Служащие уходят в пять, вторая смена заступает в четыре, а третья — в одиннадцать ночи. Савельев еще проверил, нет ли у них сотрудников, работающих до восьми — полдевятого. Нет. Значит, отпало.
Берем фабрику головных уборов «Свободный труд». Труд у них, видимо, действительно свободный, потому что работает этот гигант легкой индустрии до семнадцати часов, после чего запирается на замок.
Потом началась эпопея с магазинами. А их шесть штук. Ужас! Два промтоварных, два продмага, один культтоварный и булочная. С промтоварными и форпостом культуры, правда, все решилось быстро: в понедельник они все выходные. В булочной никто через день не работает. В продмагах время не совпадает, к тому же в одном из них работают только женщины.
Столовая закрывается в девятнадцать. Умерло.
Шашлычная — до пол-одиннадцатого. На всякий случай через ОБХСС проверили: никто в восемь — полдевятого там работу не заканчивает. Дошли до комбината — закрывается в семь. Точка.
Тогда настал черед гостиниц. Тут мне прямо нехорошо стало: около двух тысяч работников. Ну, благословясь, приступили. Узнаем: дежурные рабочие — электромеханики, мастера по ремонту пылесосов и полотеров, радисты — работают по двенадцать часов через день, с восьми тридцати до двадцати тридцати. Наконец-то! Начали с «Байкала» — ближе к автобусной остановке. Нашлось там таких дежурных двенадцать человек. Кто работал в понедельник — среду — пятницу? Шесть. Скольким из них до тридцати лет? Четверым. Кто длинный? Двое. Кто такие, где живут? Один — в соседнем доме. А радиомастер Никита Александрович Казанцев живет в Большом Сухаревском переулке, дом 36, квартира 79,— в пяти минутах ходьбы от остановки двадцать четвертого автобуса «Госцирк». Вот так.
— Молодец,— сказал Шарапов.— Молодцы! — И засмеялся: — Нептун, одно слово...
Зазвонил телефон. Шарапов снял трубку:
— Савельев? Где, внизу? Прямо вместе с ним поднимайся ко мне...

3

Высокий парень в черном пальто был чуть бледен, но держался спокойно. Только руки судорожно мяли кепку. В кабинете Шарапова он прислонился к стене, принял независимую позу. Савельев, помахивая чемоданчиком, взял его под локоть.
— Вы проходите, проходите. Присаживайтесь. Беседовать-то долго придется.
Парень дернулся:
— Не хватайте руками! Не глухой.
— Вот и хорошо,— миролюбиво сказал Савельев.— Садитесь вот, с товарищами потолковать удобней будет.
— Всю жизнь мечтал,— усмехнулся парень.
Шарапов и Тихонов молча рассматривали его. Потом Шарапов провел пальцем по губам, будто стер слой клея между ними.
— Что в чемоданчике носите, молодой человек?
— А вам что до этого? Все мое, вы там ничего не забыли.
— А чего дерзите?
— А вы привыкли, что здесь перед вами все сразу в слезы — только отпустите, ради бога.
— Нет. Кому бояться нечего, с теми легко без слез обходимся. Так что в чемоданчике?
— Возьмите у прокурора ордер на обыск и смотрите.
— Постановление. Не ордер называется — постановление. А прокурор, наверное, сейчас сам пожалует. С вами знакомиться, специально.
Казанцев нервно вскочил, щелкнул никелированными замками лежащего перед ним на столе чемоданчика, откинул крышку. Тестер, мотки проволоки, пассатижи, паяльник, припой. В отдельном гнезде на крышке тонкая длинная

отвертка, слабо мерцающая блестящим жалом. Тихонову изменила выдержка:

— Вот оно, шило!..

— Это не шило, а радиоотвертка,— сказал, презрительно скривив рот, Казанцев.

— Знаю, знаю, гражданин Казанцев! Это мы поначалу думали, что шило,— сказал Стас и повернулся к Савельеву: — Подготовь для Панковой опознание и отправляйся за Буковой.

Казанцев захотел сесть с краю. Рядом уселись еще двое. Панкова вошла в кабинет, и Тихонов подумал, что глаза у нее, как у статуи Дианы, большие, красиво вырезанные, без зрачков. Он сказал:

— Посмотрите внимательно на этих людей. Успокойтесь, не волнуйтесь. Вспомните, знаете ли вы кого-нибудь из них?

Панкова долго переводила взгляд с одного на другого, потом на третьего, и Тихонову показалось, что она избегает смотреть в лицо Казанцеву. Он увидел, как кровь стала быстро оттекать от щек Казанцева. И глаза Панковой были все такие же, без зрачков.

Она сказала медленно:

— Не-ет. Я никого из них не знаю.— Потом уже тверже добавила: — Ники здесь наверняка нет...

4

Тихонов горестно всхлипывал, бормотал, с кем-то спорил, и сон, горький и тяжелый, как дым пожарища, еще клубился в голове, когда он услышал два длинных звонка. Он сел на диване.

Оконная рама встала на пути голубого уличного фонаря, расчертившего стену аккуратными клетками-классами. Ребятишки чертят такие на асфальте и прыгают в них, приговаривая: «Мак — мак — мак — дурак!» Тихонов сонно подумал: «Я бы и сам попрыгал по голубой стене. Но я уже наступил на «чиру». Сгорел. «Мак — мак — дурак!» Снова требовательно загремел в коридоре звонок.

«Все-таки действительно звонят. Я-то надеялся, что приснилось». Он нашарил под диваном тапки, встал, пошел открывать. За дверью кто-то напевал вполголоса:

За восемь бед — один ответ!
В тюрьме есть тоже лазарет.
Я там валялся,
я там валялся...

«Понятно,— хмыкнул Тихонов.— Лебединский со своим репертуарчиком».

— Розовые лица! Рёвольвер — желт? — заорал с порога Лебединский.

— Заходи. Твоя милиция тебя бережет,— пропустил его Тихонов и не удержался: — Долго придумывал эту замечательную шутку?

— Всю жизнь и сей момент. Слушай, барбос, а ты же ведь и не розовый совсем, а какой-то нежно-зеленый. Как молодой салат.

— У меня, видимо, жар,— сказал Тихонов и потрогал горячий лоб.

— Надеюсь, любовный? — осведомился Лебединский.

— Нет, служебный,— хмуро сказал Стас.

— О, Тихонов, если уж ты загугнил,— значит, дела швах! Тебя, наверное, разжаловали в постовые?

— Ха, если бы! Моя жизнь стала бы безоблачно голубой! И даже где-то розовой.

— А ты знаешь, я приехал вчера из Парижа с симпозиума, и там мне ужасно понравилось, что ажаны раскатывают на велосипедах. Живописно до чрезвычайности!

— Где раскатывают — на симпозиуме?

— Ты, жаба, зол и туп. Ажаны раскатывают по Парижу, а на симпозиуме обсуждают возможности моделирования человеческого мозга. Я же, вместо того чтобы за бесплатно привезти для тебя приличную мозговую модель, истратил половину валюты на подарок.

Лебединский достал из бокового кармана пальто небольшой сверток.

— Гляди, питон, это марочный старый коньяк «Реми Мартин». Штука бесподобная. Ц-ц-ц! — И пощелкал языком.

— На меня ты потратил только четверть валюты, вторую четверть ты сейчас проглотишь сам,— пробурчал Тихонов и подумал: «Какое счастье, что есть на земле такие нелепые умницы, Сашки Лебединские, которые тратят половину своей скудной парижской валюты на «Реми Мартин», не подозревая, что эту невидаль можно купить в елисеевском «Гастрономе» за пятерку! Наверное, настоящим мужикам даже в голову не приходит, что дружить можно дешевле». Тихонов покрутил в руках бутылку, понимающе кивнул: — Коньячок хоть куда! Позавчера такую в руках держал.

— Ну врешь же, обезьяна, врешь, по глазам вижу! Где ты мог его пить?

— Вот те истинный крест! Держал! А пить не пил. Весь был при исполнении служебных...— И сразу вспомнил: «А у вас в Скотленд-Ярде не пьют?» — Ладно, Сашка, давай отведаем твоего бальзама. За это, подожди только, угощу тебя напитком, которым причащают вступающих в орден настоящих мужчин. Называется ликер «Шасси».

— Врешь, поди, тритон, как всегда. Или ликера такого нет, или не угостишь, или вообще все придумал.

— Нет, Сашок, ликер такой есть. Это я тебе серьезно говорю. И слово даю тебе честное: мы его с тобой еще выпьем на радостях.

Лебединский неожиданно спокойно и тихо спросил:

— Когда жар окончится?

— Да, Сашка. Дела мои, как ты говоришь, швах!

Лебединский сильно хлопнул его ладонью пониже спины:

— Ну-ка, морж, встряхнись! Давай хлопнем этого французского барахла, поболтаем, сгоняем в шахматишки — и жизнь покажется нам краше и наряднней...

Лебединский лежал на диване, Стас уселся в глубокое кресло рядом, между ними на столике шахматная доска. Сбоку, на стуле, бутылка и рюмки. Коньяк не брал Стаса совсем, но все вокруг казалось горячим, влажным, лишенным четких очертаний. «Как в парилке»,— подумал Стас и сказал:

— Устал я, Сашка, очень. Устал. И время от времени я начинаю себя чувствовать на работе вещью обязательной и ненужной, как смычок для контрабаса. А это ужасно, потому что в моей работе тоже необходимо творчество, хоть меня и не посылают, как тебя, в Париж...

— Красиво сказано насчет смычка! Пример суесловия для учебника риторики. Суесловие твое, мандрил, есть продукт секундного кокетства, минутной неудовлетворенности и постоянного невежества. Если бы ты ходил развлекаться не на танцульки, а в симфонические концерты, то знал бы тогда, что смычок контрабаса — вещь очень нужная. Просто необходимая!

— Спасибо, отец, за информацию. Слушай дальше. Подтверждается все: и Казанцев это, и по пустырю он шел в понедельник, и отвертка у него есть длинная. Но он бьется, как лев, и доказывает, что он не убивал Аксенову. И что не знал он ни ее, ни Букову и что не надо ему было этого вовсе. И хотя этого не может быть, я ему верю. А Букова мне объясняет, что приятеля ее вовсе зовут Кока, а не Ника — Николай Лысых, и находится он уже третью неделю в Свердловске. Это правда, мы проверили. И все разваливается, хотя со вчерашнего дня я был уверен: осталось чуть-чуть — и возьмем убийцу. Пять дней я топал по фальшивому следу. А где теперь настоящий убийца — один бог весть!

— М-да, тут даже вся моя диагностическая лаборатория не поможет...

— Ты знаешь, Саш, я ведь в этих вопросах всегда очень строг к себе. Но тут я даже казнить себя не могу: факты настолько четко выстраивались в логическую схему, что я и сейчас не представляю, с чего начну в понедельник.

Лебединский сказал:

— Старик, я в этих вопросах плохо понимаю. Но, выслушав тебя внимательно, я бы хотел высказать свое мнение...

Тихонов кивнул.

— У тебя, Стас, для такого запутанного дела было слишком много фактов.

Стас удивленно взглянул на него.

— Да, да,— Лебединский встал с дивана, прошелся по комнате, включил телевизор. Медленно затеплела трубка.

— Постараюсь объяснить на близких мне понятиях. На симпозиуме выступил с очень интересным докладом француз Шавуазье-Прюдом. Он предложил ни много ни мало принципиальную схему электронной машины, полностью моделирующей человеческий мозг. Был у этой схемы только один маленький порок: практически она неосуществима из-за фантастического количества образующих ее узлов. Понимаешь? Работа всей схемы зависит от одновременной надежности каждого из элементов. Но их так много, что в любой данный момент выходит из строя хотя бы один. В результате схема не срабатывает или дает неправильный результат. Понимаешь, тапир? Во всем твоем деле было

столько узлов, что проверить их надежность в работе одномоментно тебе не удалось. А ты ведь не компьютор, ты только гомо сапиенс, и то не слишком удачный экземпляр.

Стас сказал:

— А что такое «компьютор»?

— Машина-вычислитель.

— Слава богу, что я гомо, хоть и не слишком сапиенс. В отличие от тебя, компьютор несчастный!

Лебединский засмеялся, подошел и обнял его за плечи.

— Эх, Стас, Стас! Вижу я, старичок, совсем тебе худо с этим делом.

Стас хмуро покачал головой.

— Не говори, Сашка. Как вспомню ее мать — жить не хочется.

Лебединский сказал:

— Тебе сейчас надо отвлечься, хоть немного отключиться от дела. Это я тебе как врач говорю. У тебя сейчас выработался стереотип мышления. В каком-то месте есть порок, но ты этого не замечаешь и продолжаешь бегать по кругу. Давай беседовать на отвлеченные темы, а то мы с тобой, как канадские лесорубы: в лесу — о бабах, с бабами — о лесе.

Лебединский снова разлил коньяк по рюмкам, обмакнул ломтик лимона в сахарницу.

— Что ж, Стас, выпьем? За тех, кто в МУРе!

Стас засмеялся. Они выпили. Лебединский, морщась, закусывал лимоном. Видно было, что вместо коньяка он с удовольствием выпил бы сладкого чаю. Тем более что лимон уже есть. Пока он расставлял на доске фигуры, Стас смотрел телевизор. Показывали «Ромео и Джульетту».

— Смешно, когда идет опера без звука. А балет ничего, даже лучше,— сказал Лебединский.— Ага, если я не ошибаюсь, там как раз завязывается свара между Монтекки и Капулетти.

— Точно,— кивнул Стас и двинул вперед королевскую пешку.— Эти стройные молодцы в чулках и камзолах уже крепко выясняют отношения. Скоро начнут ширять друг друга саблями.

— Не саблями, валенок, а шпагами.

— Ну, шпагами,— равнодушно сказал Тихонов и шагнул конем под бой.— За это время умерли шпаги, умерли камзолы, умерли государства, а любовь жива. И до сих пор из-за любви умирают и убивают.

— Это рудимент и атавизм,— сказал Лебединский.— Буржуазный пережиток в сознании отсталых людей.

— Что, любовь?

— Нет, умирать и убивать из-за любви. Вот на том же симпозиуме один деятель сделал вне программы сообщение. Он предложил повсюду внедрить электронные машины для помощи вступающим в брак.

— Это как?

— А так. Большинство людей, так же как и ты, долго не женятся из-за того, что никак не могут, видите ли, встретить того единственного человека, который им нужен. Поэтому заполняешь специальный бланк, описываешь с минимальной обстоятельностью свои требования и отправляешь его в Центр брачевания. Там соответствующим образом кодируют этот бланк и запускают в электронную машину, которая по имеющемуся каталогу в два счета находит тебе невесту. Едешь к ней, представляешься: вот-де, мол, я, ваш единственный суженый и ряженый, прошу покорно в загс. Нравится?

— Не очень. Я уж как-нибудь обойдусь старым способом.— Стас помолчал, подумал, спросил:— Слушай, Сашка, а ты кто больше — врач или кибернетик?

— Теоретически врач,— усмехнулся Лебединский.

— А вот посмотри: Тибальд уже минуты две, как пырнул Меркуцио, а тот все еще красиво умирает. Ты мне скажи, в жизни так может быть: в сердце воткнули и выдернули шпагу — может человек еще ходить после этого?

— Ты, Стас, вульгарный материалист. Это же искусство! А в жизни вряд ли.

— А точнее?

— Ну, шаг, другой, третий может сделать — и все.

— Но ведь Аксенова сделала после такого ранения не менее двадцати шагов. Это же факт!

— Нет ничего относительнее абсолютных фактов. Помнишь, как мы с тобой лет пятнадцать назад поймали ворону и окольцевали ее табличкой с надписью: «1472 год». Если ее потом поймал какой-нибудь орнитолог, он наверняка защитил на ней диссертацию. А пока тебе гардэ!

Зазвонил телефон. Стас, не вставая с кресла, протянул руку и взял трубку.

— Добрый вечер, Станислав Павлович. Это Трифонова говорит.

— Да, да, Анна Сергеевна, слушаю.

— Простите за поздний звонок. Но я решила не откладывать. В лаборатории утверждают, что края отверстия в кофте оплавлены...

Электрические шорохи скреблись в телефонных проводах, по которым бежали крошечные молнии человеческих слов, суматошно заметались в трубке гудки отбоя, и вдруг все перестало плыть перед глазами, снова стало четким, как будто кто-то повернул в голове ручку фокусировки. Стас бережно положил трубку на рычаг, механически снял конем короля. Лебединский заорал дурным голосом:

— Что ты делаешь, жулик!

— Стой,— тихо сказал Стас.— Я все понял... Гладкая дырка в кофте, двадцать шагов мертвой Тани Аксеновой, идущий впереди по тропинке Казанцев, черные окна гостиницы — все закрутилось снова сумасшедшей каруселью.

— Пуля! — крикнул Стас.— Это была пуля!

Продолжение следует.

Где она, любовь?

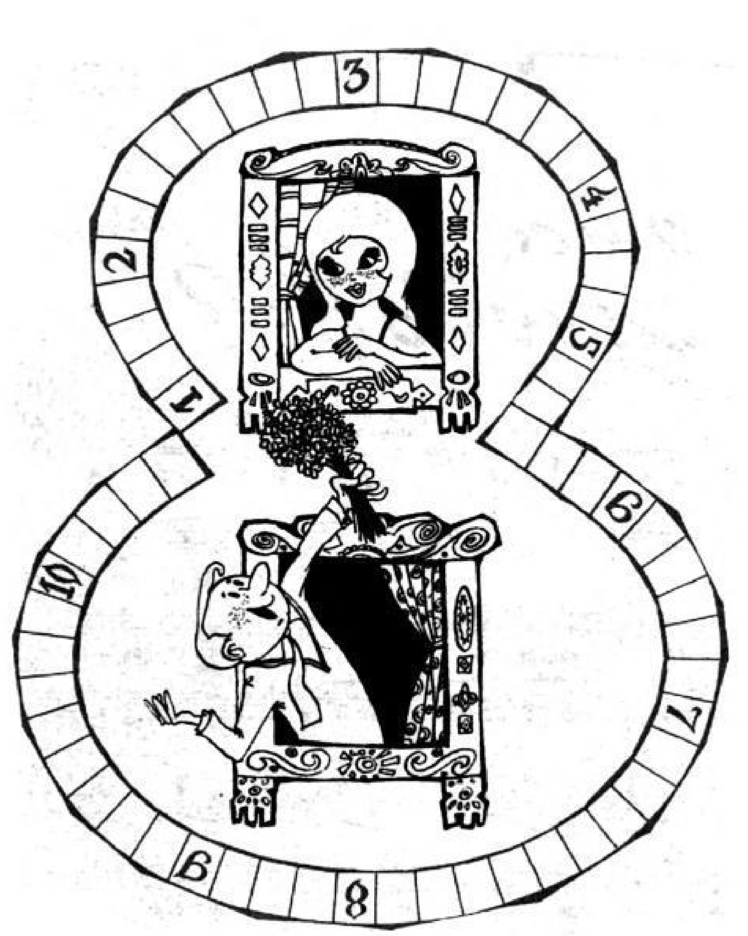

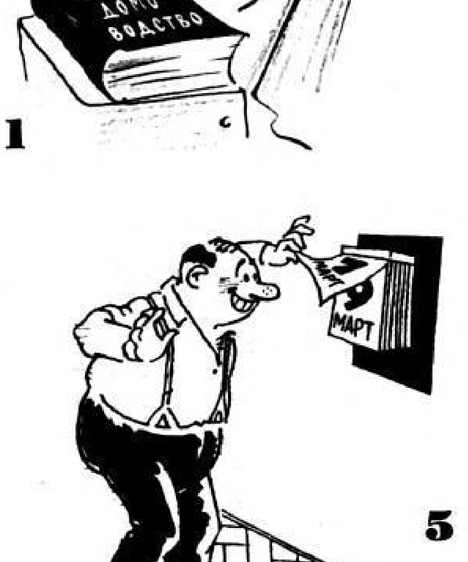
Слова В. БУТЕНКО, Г. ГЕОРГИЕВА

Музыка А. АВЕРКИНА.

Залегла на сердце боль,
как песок в воде.
Потеряли мы любовь
и не знаем где.
На Арбате нет ее,
на манеже нет ее.
На Каретном тоже нет —
где она, любовь?
Мы, наверно, каждый раз
ищем наугад.
Ходят песни мимо нас,
месяцы летят.

Смотрим, в марте нет ее,
и в апреле нет ее.
И в июле тоже нет —
где она, любовь?
А виновны все равно
только мы с тобой,
если нам не суждено
отыскать любовь.
В твоем сердце нет ее,
в моем сердце нет ее.
И в словах случайных нет —
где она, любовь?

Изочайнворд „ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ"

Этот изочайнворд нарисовали художники В. Черников, Н. Станиловский, В. Тильман, Н. Калитин, Б. Боссарт, О. Теслер, Е. Шабельник, О. Корнев, В. Соловьев, В. Воеводин.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д. Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы, будут опубликованы в журнале.

Одевайтесь модно

ВЕСЕННИЙ КОСТЮМ

ФАСОН. ЛИНИЯ. ЦВЕТ. ОТТЕНОК.

Консультацию «Огонька» ведет художник-модельер Надежда Кондратьева.

Французская поговорка гласит: «Одежда должна быть такой, чтобы сказали: «Какая красивая женщина», а не «Какое красивое платье».

Одеваться модно — это значит из многообразия фасонов, линий, цветов, оттенков уметь выбрать именно то, что присуще вам, вашей фигуре, росту, возрасту, занятиям.

Вычурность, экстравагантность одежды чужды нашему образу жизни. И об этом всегда помнят советские художники, создавая новые модели.

Мы показываем на последней обложке «Огонька» несколько моделей весеннелетнего костюма из коллекции, подготовленной Московским Домом моделей.

Весной, когда ярко светит и пригревает солнце, но порой набегает прохладный ветерок, лучшая одежда для улицы — костюм.

Жакеты могут быть классической и спортивной формы, короткие и доходящие до середины бедра, прямые и полуприлегающие. Юбки также различные: умеренной ширины, расширенные книзу, со складками. Новинка — юбка-брюки.

Костюм классической формы дополняется блузой типа мужской рубашки с длинным рукавом на манжете, который застегивается на пуговицу или запонку.

Очень популярны костюмы спортивно-делового характера: воротник-стойка, хлястик, накладные карманы. Жакет может быть двубортным, однобортным или застегиваться на молнию. К такому костюму хорошо надеть джемпер с высоким воротником-стойкой.

В творчестве наших художников-модельеров находят отражение цветовое богатство и декоративность народных одежд и тканей, что придает костюму национальный колорит и оригинальность.

Две девушки одеты в костюмы, созданные по мотивам гуцульской народной одежды. Короткие жакеты свободной формы выполнены из ткани белого сукна; отделка — черный кант.

Коричневое полупальто с белой юбкой очень удобно в прохладную погоду. Воротник и борта его сделаны из белой ткани. Большие накладные карманы и строчка придают спортивный вид.

Синий костюм с отделкой. Жакет свободной формы. Юбка со встречной складкой позволяет делать широкий шаг, быстро двигаться.

Жакеты полуприлегающего силуэта. Юбки прямые. Модный элемент — воротник-стойка.

Все эти костюмы рекомендуется шить из гладких мягких тканей, рогожки или диагоналевого переплетения. Пестротканый материал, букле не следует применять, так как модные детали и строчка не будут заметны.

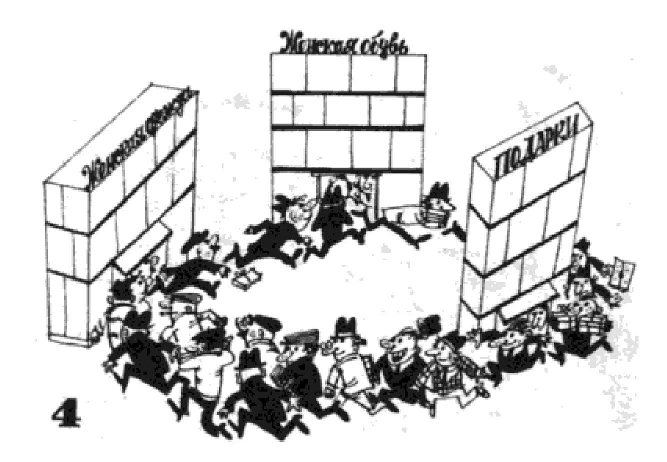
Из модной гаммы цветов надо выбрать то, что идет вам и что сочетается с обувью, дополнениями. В 1968 году модными будут синие, черные, серые, чернильно-фиолетовые цвета, а также коричневые, зеленые, ярко-розовые, оранжевые.

На последней странице обложки мы знакомим вас с моделями художников З. Вороновой, Т. Косовой и Н. Кондратьевой.

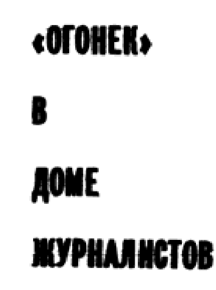
Фото Е. Умнова.

3

4

«ОГОНЕК» В ДОМЕ ЖУРНАЛИСТОВ

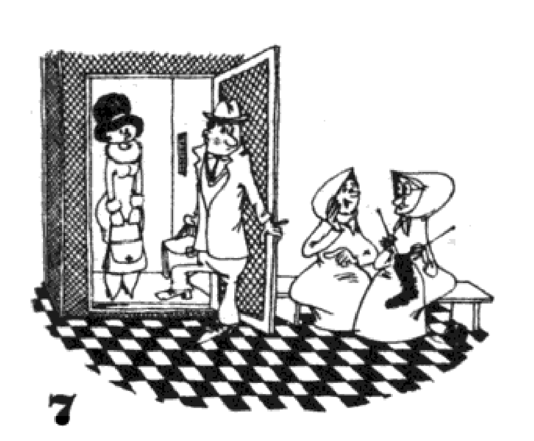
В Московском Доме журналистов состоялась встреча редакции «Огонька» со своими читателями.

Главный редактор А. В. Софронов поделился планами журнала на 1968 год.

С интересом слушали собравшиеся рассказ Героя Советского Союза М. П. Чечневой о героических делах женщин-летчиц в годы Великой Отечественной войны, выступления спецкорреспондента «Огонька» А. Сербина, вернувшегося из сражающегося Вьетнама, доктора искусствоведческих наук И. С. Зильберштейна, полковника милиции С. В. Дерковского, кандидата биологических наук М. А. Островского, поэтов Бориса Дубровина, Владимира Федорова и Анатолия Щербакова, народного артиста СССР А. Сергеева и артиста МХАТа А. Покровского.

В этой встрече приняли участие зам. главного редактора В. В. Иванов, главный художник журнала И. В. Долгополов, редактор фотоотдела Д. Н. Бальтерманц, редактор отдела науки К. Н. Бакши, зав. отделом писем Л. Г. Мурашова.

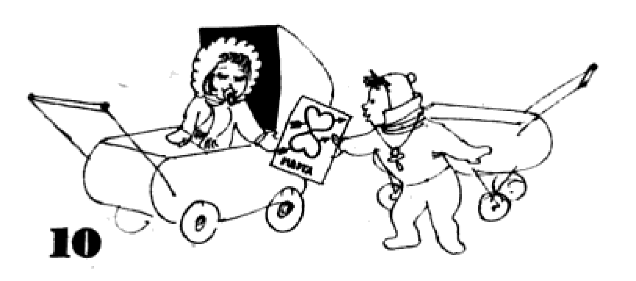
На снимке: выступает Герой Советского Союза М. П. Чечнева.

7

8

10

Ответы на изочайнворд, напечатанный в № 50 «Огонька» за 1967 год.

1. Подкоп. 2. Прораб. 3. Балет. 4. Такси. 5. Игрок. 6. Компромисс. 7. Слалом. 8. Морж. 9. Живописец. 10. Циркуль.

Первыми правильные ответы прислали: В. Д. Забирускин, А. С. Аладышкин, В. Н. Ермолаев, М. К. Бабак, В. Ф. Еремчук, С. и А. Шиловы, Н. А. Щебек, В. П. Кузьменко, Г. П. и Г. А. Сизовы, семья Зинченко, В. М. Чекулаев, Г. Н. Винников, Ф. и Т. Женндковские, Э. А. Широков, В. Л. Серов, В. Т. Горбунов, Г. и С. Голицыны, Н. В. Овсянникова, В. И. и А. Е. Красновы, А. Д. Рогачев.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский ученый и поэт. 8. Танец. 9. Советский писатель. 12. Горная вершина Каракорума. 13. Трагедия В. Шекспира. 14. Вид городского транспорта. 16. Озеро в Сибири. 18. Порт в Италии. 19. Русский народный духовой музыкальный инструмент. 22. Продольные нити в ткани. 23. Приток Оми. 24. Почтовый знак. 27. Отделение предприятия, учреждения. 28. Режущий инструмент. 29. Актер МХАТа. 31. Металл. 33. Рыба семейства окуневых.

По вертикали:

1. Кровельный материал. 2. Изображение из цветных камней. 3. Самая яркая звезда в созвездии Близнецов. 4. Музыкальное произведение для одного голоса или инструмента. 6. Водоразборное устройство. 7. Овощное растение. 10. Русский математик. 11. Автор оперы «Паяцы». 15. Один из Курильских островов. 17. Река в Казахской ССР. 18. Момент запуска ракеты. 20. Амфитеатр в Риме. 21. Коллектив музыкантов. 25. Часть света. 26. Сборник стихов Т. Г. Шевченко. 30. Столица союзной республики. 32. Парнокопытное животное.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

7. Кирсанов. 8. «Поединок». 9. Куплет. 11. Блесна. 14. «Восход». 16. Лотос. 18. Диплом. 20. Ассонанс. 21. Антрацит. 26. Веретено. 27. Мастихин. 28. Шеврон. 29. Трике. 30. Ломбок. 31. Лакмус. 33. Баркас. 36. Амазонка. 37. Серпухов.

По вертикали:

1. Кисловодск. 2. Исток. 3. Посол. 4. Колье. 5. Пихта. 6. Морфология. 10. Пиджак. 12. Судеты. 13. Стравинский. 15. Хронометр. 16. Лисохвост. 17. Сказуемое. 19. Планеризм. 22. Телеграмма. 23. Чеснок. 24. Оселок. 25. Виноградов. 31. Линза. 32. «Маска». 34. Рулет. 35. Синус.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00367. Подписано к печати 27/II 1968 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 356. Заказ № 475.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки: Бортпроводница Лилия Стрюкова.
Фото Л. Бородулина и Е. Умнова.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Перед вами озабоченные мужчины, собравшиеся в несколько необычном московском ателье. Думаете, они заняты каторжным трудом? Или их выгнали сюда из дому, захлопнув в сердцах дверь?

Никак нет. По доброй воле взяли они в руки свои чемоданчики и бодрой походкой направились на улицу Бутлерова в этот дом. Здесь они вынули из чемоданчиков содержимое, получили в свое распоряжение аппараты со всевозможными двигателями, включателями и переключателями. Известно: представителей сильного пола отличает от представителей слабого древнейшая страсть к двигателям, аппаратам и кнопкам. Тут это чувство находит полный выход: новые машины СМА-5, АХМЧ-4,5, К-25, автоматика (иногда не срабатывает!), пневматика (случается, что отказывает!). Есть о чем поспорить, подумать, поговорить в субботний день... Но не пройдет и двух часов, как, вложив в чемоданчики содержимое, но уже белоснежное и отутюженное, мужчины разойдутся по домам.

Не будем строги к мелким огрехам в означенном заведении, впервые оснащенном отечественным оборудованием. Оно пока еще в состоянии наладки. Обратим внимание на то, что в Москве в этом году открывается семь таких ателье, а еще через некоторое время их будет тридцать семь. А по Советскому Союзу — около 3 тысяч. Каждое ателье мощностью в полторы тонны белья в сутки.

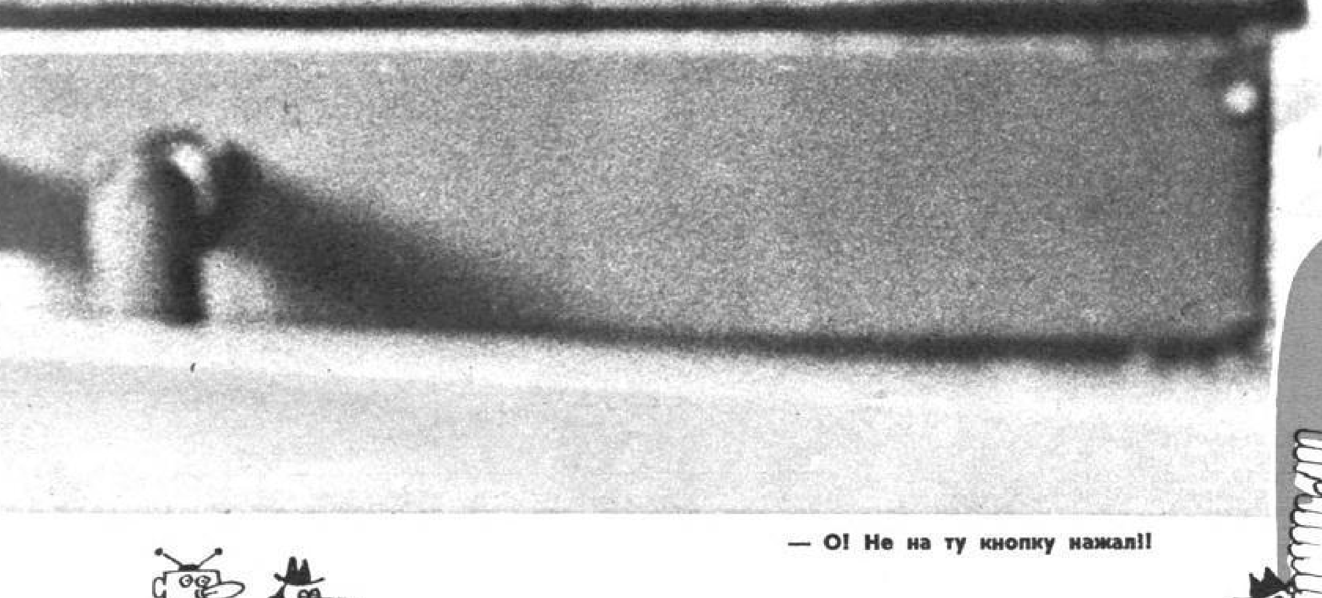
Возрадуйтесь, женщины! Ни тебе корыта с грязной пеной, ни проблемы, где высушить белье, ни мучительных раздумий, когда его погладить. Полтора часа работы с автоматами — и 80 копеек за 4 килограмма белья. А если к тому же муж наделен чувством высокой сознательности и не позволит себе, чтоб любимая таскала по городу тяжелый чемодан, если он предпочитает на время субботней уборки квартиры удалиться из дому часа на два, можно считать, что в жизни женщины наступит золотой век.

Директор 28-го ателье прачечной самообслуживания Иван Андреевич Добрынин, старейший борец прачечного фронта, считает так:

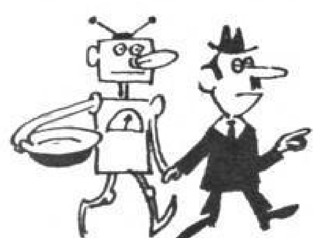
— На данном этапе развития техники стирка становится делом мужским!

А что вы думаете, дорогие мужчины?

И. МЕСХИ

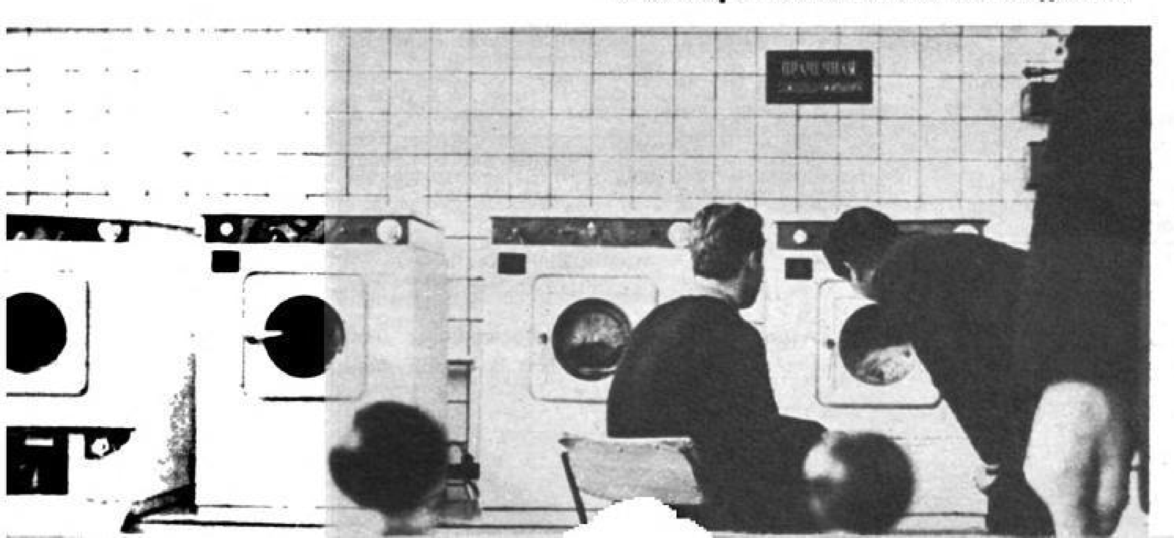
— О! Не на ту кнопку нажал!!

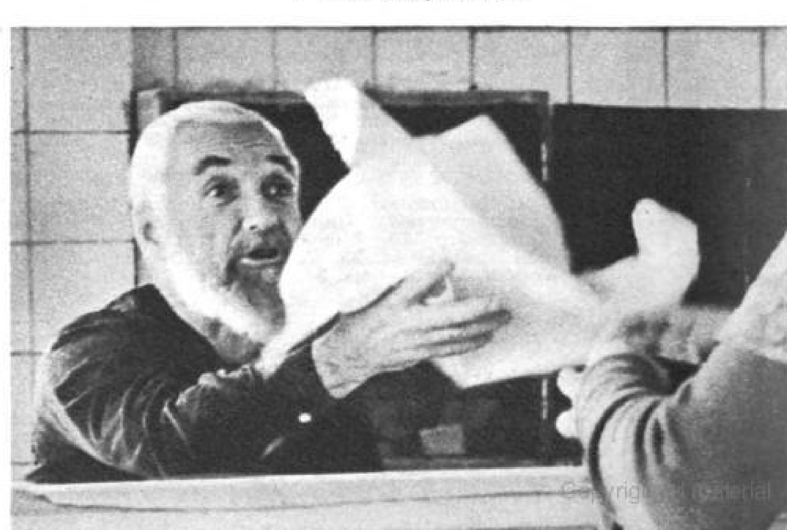

ОЗАБОЧ

Таких стиральных машин-автоматов здесь 20.

— Вот оно, нашел!

Стоял он дум великих полн...

— Это я-то не умею гладить!

У финиша.

А ему весело!

— Ну и как, товарищи прачки!

ЕННЫЕ МУЖЧИНЫ

— Куда же оно вертится!

Привыкай, Олежка, к мужской профессии!

Пожалуй, больше пуда...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663